

АЛЕКСАНДР
ЗОЛОТЬКО



Прощай,
Америка!



Александр Золотько
Прощай, Америка!

«ЭКСМО»

2014

Золотько А. К.

Прощай, Америка! / А. К. Золотько — «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-75305-5

Близкое будущее. США оккупированы международными силами... Русский журналист Михаил Лукаш, аккредитованный в США, однажды утром услышал о расстреле в Нью-Йорке одной бабы. Правда, весила эта баба сто пятьдесят тонн и была известна всему миру под именем статуи Свободы. Впрочем, это злополучное утро преподнесло Лукашу еще один сюрприз. Его ожидала встреча не с кем-нибудь, а с самим генералом Колоухиным, разоблаченным предателем нашей Родины. Встреча стала для предателя роковой, но и Лукаш с этого момента оказался на крючке. Ведь сведения о государственном перевороте, готовящемся спецслужбами в охваченной массовыми беспорядками Америке, слишком дорого стоят. Как минимум – жизни одного русского журналиста...

ISBN 978-5-699-75305-5

© Золотько А. К., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александр Золотько

Прощай, Америка!

© Золотько А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Доброе утро, Америка! С вами – наш прогноз погоды. Вы уже смотрели в окна? Там снова жара. Штаты все нагреваются и нагреваются, давление растет. Сегодня с утра в Нью-Йорке одна пожилая леди потеряла голову. В прямом смысле этого слова. Держите себя в руках, может быть, все еще образуется. Не теряйте голову, американцы!

Глава 1

Расстрел – штука специфическая. Как минимум. И на него есть, как минимум, две точки зрения. Того, кто расстреливает, и того, кого расстреливают. И, как это ни странно, эти точки зрения не противоположны. Хотя, казалось бы...

Лукаш в одном расстреле участвовал. С той стороны, что напротив автоматного дула. Лукаш не суетился, не дергался... А чего, собственно, дергаться, если тебя привязали к стулу. Усадили лицом к спинке стула, обвязали веревками и отошли в сторону, чтобы не попасть под раздачу, если стрелок сгоряча пальнет, не дожидаясь команды.

Можно было кричать, закрывать глаза, выть, умоляя о пощаде. Никто из присутствующих не озаботился для Лукаша ни кляпом, ни повязкой на глаза. Даже закурить последнюю сигарету никто не предложил.

Лукаш не курил, но тут было дело принципа. Все-таки с полминуты к жизни дополнительно. Но могли вообще не заморачиваться стульями и веревками. Могли шлепнуть прямо в автомобиле. Водителя из местных – пристрелили. Оператора, бросившегося вдруг наутек по гладкой, как стол, равнине, достали с третьего выстрела, а Лукаша схватили за руки и потащили из машины наружу.

Больше всех старался переводчик. Такой веселый и услужливый в обычное время, Махмуд вдруг перестал улыбаться, посерьезнел и по дороге к белой глиняной стене возле шоссе Лукаша несколько раз даже ударил. От души, старательно.

Переводить, кстати, Махмуд тоже перестал, так что точный смысл оживленных переговоров между участниками акции от Лукаша ускользал, по отдельным знакомым словам он понимал, что его сейчас будут убивать, чтобы проклятым иностранцам неповадно было. Или что-то в этом роде.

И убивать Лукаша собирались не просто так, а перед видеокамерой. Так что последние пятнадцать минут славы ему были гарантированы. Местный оператор в полувоенной форме нацелил камеру, установив ее чуть сбоку от действующих лиц, чтобы зрители потом могли увидеть и героических стрелков и запаниковавшего Лукаша.

Два автоматчика, которые собирались расстреливать проклятого европейца, лица прикрыли пыльными платками и ожидали команды, косясь на объектив. Они, наверное, хотели выглядеть убедительно. Значимо хотели выглядеть, чтобы потом, в старости, показывать видео своим внукам и говорить с гордостью – смотри, как я красиво стою. И автомат в руках держу уверенно. Ну-ка, угадайте, детки, кто из этих молодых красавцев ваш дедушка. Вот он, справа, дружно вскричат внуки, радостно хлопая в ладоши.

Отгоняя идиотские мысли, Лукаш ждал выстрела, оператор ждал начала процесса, стрелки ждали указаний, а команда все не поступала. Стоявший невдалеке невысокий мужчина в темно-сером костюме и шляпе о чем-то говорил по мобильному телефону.

Потом, после расстрела, Лукаш даже удивлялся своему спокойствию. Надеялся, что все обойдется. Людям вообще свойственно надеяться до самого последнего момента, а в тот самый последний момент выругаться и подумать: вот ведь, зараза, какая хреновина получилась.

И умереть.

Лукаш, например, именно так и подумал.

До последней секунды был уверен, что вот сейчас этот тип в костюме выключит телефон и скажет, что все отменяется, что ошибочка вышла... И Лукаш скажет, ну ладно, с кем не бывает. И подумает, что оператора, конечно, жалко, но...

«Вот ведь зар-раза», – подумал Лукаш, когда мужичок аккуратно выключил телефон, спрятав его в боковой карман пиджака, потом повернулся к стрелкам и скомандовал «Огонь!».

«Какая хреновина получилась», – подумал Лукаш.

Автоматы выстрелили одновременно, пули одновременно вылетели из стволов, во всяком случае, Лукаш был уверен, что видел, как эти пули вылетали. Удар в грудь... Один удар в грудь, а второй – в голову. Не так – первый в голову, а второй в грудь, это принципиально.

И все исчезло.

Когда сознание вернулось, то рядом уже не было выжженной солнцем дороги, выбеленной все тем же солнцем глиняной стены, а была палата военного госпиталя в Подмоскowie.

Ролик о расстреле в Сеть так и не попал. Помощь к Лукашу подоспела, не то чтобы в последний момент, как бывает в кино, а через целых две минуты после окончания казни, но в целом вовремя. Вертолет успел и участников мероприятия выкосить пулеметным огнем, и Лукаша вывезти.

Врач потом предположил, что пули прилетели вовсе не одновременно, первой была, скорее всего, пуля в голову, но пошла она по касательной, только зацепила череп и вырвала небольшой клочок волос. Но ее ударом Лукаша качнуло в сторону, ровно настолько, чтобы вторая пуля, направлявшаяся к сердцу, пролетела сквозь грудную клетку, почти ничего не повредив. Во всяком случае, ничего особо важного.

«Ты везучий сукин сын», – сказали приятели Лукашу, и он не возражал. Действительно, везучий. Врачи, обследовавшие Лукаша после лечения, пришли к выводу, что он совершенно здоров, как телесно, так и духовно.

О том, что каждое утро перед пробуждением Лукаш снова и снова оказывается возле той стены, врачи, естественно, не узнали. А то, пожалуй, замучили бы Лукаша обследованиями с беседами и сделали бы в его медицинской карточке какую-нибудь неприличную запись. Врачи – они такие.

Вот. Если не обращать внимания на это обстоятельство, расстрел для Лукаша закончился более-менее благополучно. Разве что прибавилось цинизма в характере да иронии во взгляде. Проблемы, говорите? Ну-ну...

Очередной расстрел в Нью-Йорке? Тоже мне событие! Да, изрешетили известную на весь мир бабу, и что? Солнце перестало светить? Курс доллара вырос до хоть мало-мальски приличного уровня?

И вообще...

Собственно, этот расстрел Лукаш проспал.

Винить его в подобном было трудно – стреляли в Нью-Йорке, а Лукаш спал в Зеленой Зоне Вашингтона, стрельбу затеяли в шесть пятнадцать, а Лукаш только в пять утра заявился к себе в номер и лег спать. Нет, если бы он хоть как-то участвовал в этом забавном мероприятии: стрелком или мишенью... Или если бы его заранее пригласили...

Хотя вряд ли он рванулся бы из Вашингтона в Нью-Йорк ради личного наблюдения за процессом. С утра Лукашу предстояло выезжать по делу, отлагательств не терпящему, отправление было намечено на девять, так что Лукаш решил позволить себе поспать до семи тридцати. Еще пару часов сна он запланировал перехватить в машине по дороге, вместе получалось почти пять часов – неплохо, нужно признать, получалось.

За предыдущую неделю он в сутки больше и не спал. Как-то незаметно навалилась работа, Петрович, сволочь ненаглядная, гонял и по официальным и по неофициальным мероприятиям совершенно безжалостно и требовал, чтобы Лукаш был если не душой всякой компании, то уж украшением – точно. Ну и, само собой, быть участником всякой пирушки-фуршета-пати на благой территории Зеленой Зоны, Большого Вашингтона и примыкающего к нему штата Виргиния.

Сам Петрович посещал подобные мероприятия изредка, только в том случае, если вырисовывалась перспектива чего-то уж особенно важного.

«А твое дело, Михаил, молодое, печень у тебя, Михаил, здоровая... пока. Впечатление ты производишь, как некоторые утверждают, самое благоприятное. Так что, гуляй, пока молодой, – отвечал Петрович на жалобы Лукаша. – Или ты на Ближнем Востоке с Персидским заливом не намахался?»

И таки да, намахался Лукаш и в Ираке, и в Сирии. Про Иран он предпочитал не вспоминать, да и начальство настоятельно рекомендовало про Большое Иранские Приключения забыть до особых распоряжений.

А пока твердо помнить, что журналист Михаил Лукаш прибыл в Пока-еще-Соединенные Штаты Америки типа отдохнуть.

Официальная версия, так сказать.

Чем-то шустрый корреспондент Лукаш заслужил благосклонность владельца информационной корпорации, прогнулся в нужном месте и в нужное время... Или даже вроде как собрался стать зятем одного из топ-менеджеров – черт его, этого Лукаша знает?

Важно то, что Лукаш парень компанийский, веселый, с чувством юмора, при деньгах и при связях. Причем полученную информацию не зажимает, делится ею с окружающими направо и налево. Ну такой вот широкой души человек.

Будильник должен был зазвонить в семь тридцать, но первым подал голос инфоблок, отобразив у Лукаша целых пятнадцать минут сна.

– Да? – сказал Лукаш, не открывая глаз. – Доброе? Это кто сказал? Знаешь, Петрович...

Петрович знал. Но гуманнее от этого становиться не собирался, спокойно приказал вставать, включить телевизор, после чего прервал разговор.

– Сволочь, – сказал Лукаш инфоблоку. – Живого человека в такую пору будить.

В номере было прохладно – вчера наконец-то починили кондиционер. Пришлось дать взятку в евро, в долларах никто ничего уже давно не брал. Не любили долларов в Зеленой Зоне Вашингтона.

Лукаш встал с кровати, щелкнул пультом. Здоровенная «плазма» на стене включилась. «Нью-Йорк», – задал Лукаш поиск, и на экране возникла колонка с перечнем сюжетов. Внизу, в правом углу, мерцал показатель количества страниц меню. «Твою мать», – сказал Лукаш. Количество страниц перевалило за сотню – каждый канал посчитал своим долгом осветить событие этого утра. Главное событие на Земле, как ни крути.

А потом Лукаш увидел расстрел.

Молча просмотрел материал, потом прогнал его в ускоренном темпе, снова просмотрел, почесал затылок и вздохнул.

Нечестной получилась разборка, если подумать. Совершенно нечестной. Одна баба против двух «рапторов». И толку, что росту в бабе было сорок шесть метров при весе в сто пятьдесят тонн? Ни малейшего шанса у нее не было. «Ну, не факелом же ей отмахиваться», – печально пробормотал Лукаш, в четвертый раз просматривая, как два «эф-двадцать вторых» расстреливают статую Свободы на одноименном острове.

Все эпохальное событие заняло без малого минуту.

Кадр, кстати, был на удивление четким и аккуратным. Профессиональным. Объектив захватил пару «рапторов» в тот момент, когда они, не торопясь, приближались со стороны моря. Перед самым островом Свободы истребители сбросили скорость до минимума, можно было даже подумать, что аппараты зависли в воздухе. Потом первый коротко ударил из пушки.

Полетели клочья меди. Левая половина скульптуры превратилась в дым-искры-взрывы, «раптор» прибавил скорости и сместился вправо-вверх, уступая место своему ведомому. Тот короткой очередью разнес голову Свободе и ушел вслед за ведущим.

Камера проследила за самолетами до того момента, пока они не скрылись в юго-западном направлении.

Кроме этого шедевра каналы гнали съемки с мобильных, инфоблоков и прочей бытовой техники, сделанные случайными свидетелями, но такого чистого и техничного материала больше не было.

Возникло чувство, что кто-то, заранее предупрежденный, разместился на крыше одного из домов у залива, поставил камеру, в нужное время навел и включил. Был предупрежден и ждал, сволочь. Вот ведь точно. Наверное, сейчас ищут федеральные агенты вместе с полицейскими такого шустрого и пронырливого оператора. Найдут ли? В Нью-Йорке сейчас кого-либо найти ой как не просто. Скорее, сам потеряешься. Не войсковую же операцию проводить, прорываясь сквозь межрайонные баррикады.

Лукаш настроил свой инфоблок на поиск и отбор информации, а сам отправился принимать душ. Спать все еще хотелось дико.

«Два часа сна – это мало, – сказал Лукаш, стаскивая с себя белье. – Два часа – это даже не отдых, это еще один элемент пытки. Поманили и отобрали». Лукаш оперся лбом о стену, выложенную кафелем, подставил плечи и спину под режущие струи душа.

Зачем Петрович позвонил и указал на происшествие? В принципе, он не обязан информировать своих людей о всякой мелочи, происшедшей в Полуразваленных Соединенных Штатах Америки. С другой стороны, лишней информация не бывает, к тому же мелочью стрельба в Нью-Йорке не была даже по нынешним интересным временам. Но ведь Петрович и не объяснил, что именно произошло в Нью-Йорке. Только указал на необходимость ознакомиться с теленовостями. Привлек, так сказать, внимание.

Хотел дать возможность Михаилу Лукашу размять мозги с утра пораньше? Тогда он еще большая сволочь, чем показалось в первый момент.

Сам же вчера заинструктировал Лукаша до полубезумия, а потом потребовал, чтобы Лукаш шел и веселился на вечеринке, посвященной помолвке дочери какого-то из сенаторов. Если бы еще помнить, какого именно.

Да и какая разница? Нужно было не проникаться радужными перспективами дочки сенатора, как бы не от штата Нью-Йорк, а тщательно демонстрировать всем свое веселье, жизнерадостность и прочие признаки легкого настроения человека, ничего эдакого за пазухой не имеющего... Пить, кадрить, посмеиваться над виновницей торжества... хотя девочке да, повезло, не просто так она себе урвала жениха, а дипломата из солнечной Италии. Теперь она вполне могла вскорости покинуть родину до лучших времен. Сегодня выезд за пределы Штатов – вполне достойная причина выйти замуж. И папа вроде как не подставился, не изображает из себя крысу совсем уж откровенно, и семью можно потихоньку выводить из-под удара.

Собственно, удара еще может и не быть, еще, возможно, сенаторов и не станут вешать на фонарных столбах, но зачем доводить дело до крайности? Если случится чудо, и Штаты все-таки выкрутятся из ситуации... Чудо, правда, должно быть не просто чудесным, а совсем уж волшебным и фантастическим. По всему похоже – влетели Штаты всерьез и надолго, если не навсегда. И если бы они сами летели в эту яму, так ведь и всех за собой потянули. Некоторых даже пропустили вперед.

Первой, как ни странно, пострадала Северная Корея, которую вгоняли в землю по самые ноздри коллективно, как только стало понятно, что американцы уйдут с тридцать восьмой параллели. Заинтересованные стороны решили не дожидаться того, что Северная Корея предпримет по поводу убийства американских войск из региона, какие вдруг иллюзии у ребят возникнут, какие амбиции. Решили, что правильнее всего будет вырубить северных корейцев и отобрать опасные игрушки.

Лупила Южная Корея, лупила Япония, Вьетнам принял участие, российский спецназ озаботился изъятием ядерного оружия, а китайцы не вмешивались, только уговаривали, чтобы не до смерти, чтобы верхушку аккуратно срезали и остановились. Сколько там того лагеря социализма осталось?

Сам Китай был занят абсорбцией Тайваня. Получилось, в общем, неплохо и на удивление спокойно. Тайваньцы вспомнили, что являются неотъемлемой частью Великого Китая, и согласились на особый статус, как у Гонконга, раз уж отбиться от братских объятий все равно не удавалось.

И Пекин вполне удовлетворился таким вариантом, им еще много чего нужно было успеть сделать, раз уж американцы либо оставляли бесхозное имущество по всему миру, либо собирались оставить.

Тут получилось обойтись малой кровью.

В Персидском заливе – не получилось. И на Ближнем Востоке – не получилось.

Лукаш помотал головой, отгоняя воспоминания.

Об этом вспоминать не стоит, лучше подумать о «рапторах».

Кстати, кто бы ни выбирал машины для исполнения номера, он явно не стремился ввести мировую общественность в заблуждение. «Рапторы» были только в Штатах, атаковали собственную Свободу, значит, свои, штатовские, и следовательно, вопрос сугубо внутренний, для уважаемой мировой общественности совершенно неинтересный.

Какого хрена вообще кому-то могло понадобиться расстреливать памятник? «Он же памятник», – вспомнил Лукаш цитату из старого фильма. Египтяне вот Сфинкса рванули и пирамиды изрядно поколупали вполне из религиозных соображений, а тут? Странно? Странно.

Лукаш намылился, смыл пену, снова повторил процедуру.

Если кто-то хотел продемонстрировать свою нелюбовь к нынешнему правительству или даже к Организации Объединенных Наций, воспользовавшейся временными трудностями и сунувшей свой длинный нос во внутренние дела Америки – так чего по памятнику лупить? Целей мало, что ли, на Атлантическом побережье и возле него?

Вон Куба рядом! Они еще продолжают праздновать возвращение Гуантанамо в родные кубинские объятия. Можно было устроить им мероприятие в память бухты Кочинос. Так нет же, там юсовцы все проглотили без возражений, молча уходили с базы под радостное и обидное улюлюканье кубинцев и под градом гнилых фруктов и овощей.

Сеть была заполнена кадрами этого шествия. Полковник армии США, схлопотавший помидором в физиономию, мамаша, вытирающая американским звездно-полосатым попку своему обделавшемуся на радостях младенцу.

Могли припомнить кубинцам и отомстить. Так нет же, по своему врезали, по родному.

Лукаш закрыл воду, выбрался из ванны, стал тереть голову полотенцем.

Пара «рапторов», как у себя дома... Что значит – «как»? У себя дома. Пара «рапторов» прилетела рано-ранехонько к памятнику, не обращая внимания на все еще действенную систему ПВО, и расстреляла символ свободы, будто мишень на полигоне, будто никого вокруг не было... Стоп-стоп-стоп...

О том, что вокруг город и люди, пилоты, похоже, помнили. «Рапторы» очень аккуратно действовали, бережно, можно сказать. Держались не на одной высоте со скульптурой, а чуть выше, стреляли под углом, так, чтобы снаряды, пролетевшие насквозь, не добрались до близкого берега, а ударили в воду, не зацепили, не дай бог, еще что-нибудь, кроме позеленевшей медной орасины. Или кого-нибудь.

Какой в этой стрельбе смысл?

Вот если бы по штаб-квартире ООН влупили – четкое послание, понятное. Кстати, недалеко. То, что там уже год нету никого, кроме охраны – не важно. Хотя да – могла пострадать охрана... И там застройка поплотнее, осыпающаяся многоэтажка могла дел натворить.

А тут – чистенько и аккуратненько. Была Свобода, и осталось пол-Свободы.

Лукаш вышел из ванной, посмотрел на экран. Голова статуи не отлетела напрочь, повисла на согнутых стальных балках и клочьях рваной медной обшивки и медленно раскачивалась под порывами ветра с востока. Как-то Лукаш сильно удивился, прочитав, что толщина этой самой

обшивки всего два с половиной миллиметра. Тогда еще с парнями смеялись, что памятник – действительно яркий пример свободы: тонкий слой меди и сталь под ним, затейливо переплетенные стальные балки.

И что, по-вашему, могла эта обшивка сделать, встретившись со снарядами двадцатимиллиметровой авиационной пушки? Только разлететься мелкими конфетти под частыми ударами этих самых снарядов.

По телевизору снова показывали остатки памятника.

Теперь картинку гнали с вертолета, медленно облетающего остров Свободы по часовой стрелке.

Рука с факелом уцелела. Правый бок вообще почти не пострадал. Левый – да, левый придется долго восстанавливать. Если до этого вообще дойдет. Проще будет что-то новое построить. Или так оставить. Откинувшаяся на спину, словно капюшон, голова ошалело пялилась в прозрачное небо.

Вертолет, кстати, осторожно кружит, старается не слишком приближаться к домам на берегу. И это правильно, одобрил Лукаш, очень правильно. В Нью-Йорке сейчас можно очень даже просто схлопотать пулю, а то и ракету. Просто так. Просто потому, что у кого-то есть пуля, ракета, пара минут свободного времени и придурок, появившийся в зоне поражения.

Месяц назад один вертолет сбили над Манхэттеном. Киношники из Японии зачем-то полетели снимать то, что сейчас творится в Нью-Йорке. Второй вертолет летел выше и сзади, вот оператор на нем и получил шикарные кадры падающего между небоскребами первого геликоптера.

Один из японцев даже уцелел в момент падения. Правда, до появления спасателей все равно не дожил, зарезали его какие-то неизвестные доброжелатели, обирая с бедняги все ценное и потенциально полезное.

Лукаш глянул на часы – пятнадцать минут девятого. В девять за ним приедет Джонни. Душка и обаяшка Джонни, всеобщий знакомец и вообще пробивной парень. Сегодня он сопровождает русского журналиста Лукаша в качестве переводчика и представителя федеральных властей.

Можно будет у него о чем-то спросить, хотя... Джонни может достать все, что угодно, от наркотиков до девочек, он знает, кто с кем спит в Зеленой Зоне, осведомлен о личной жизни каждого из журналистского кагала и Международной Наблюдательной Комиссии, но вот по поводу политики, армии и прочих секретностей Джонни помалкивал.

Видать, неспроста.

Разведывательное сообщество Штатов, как его ни реформировали в последние годы, все еще оставалось тем еще клубком змей. «Шпионов реформировали-реформировали, – продемонстрировал Лукаш, одеваясь, – да так и не выреформировали!»

А Петрович, оказывается, файл прислал, пока подчиненный приходил в себя в душевой. Не стал трезвонить и тащить мокрого намыленного беднягу на связь, а просто скинул для него информашку. И, кстати, информашку забавную. С пометочкой – ветер.

Значит, Лукашу следовало полученную у себя не держать, не таить ее, не дай бог, а весело и непринужденно распространить как можно шире. Со ссылкой на свои источники в Пентагоне.

С источниками, между прочим, у Лукаша получилось очень смешно и показательно. Образ для Лукаша изначально лепили живенький, выглядеть Лукаш должен был человеком общительным, но слегка бестолковым. Не шпионом, боже упаси, но с разносторонними интересами. С ходу запланировали пару-тройку небольших скандалов, должен был Лукаш по приезде на новое место работы сунуться к серьезным мальчикам из серьезных структур с дурацким предложением о сотрудничестве. Посулить денег за предоставление информации, не секретной, ни в коем разе, а интересной. Жареной, так сказать.

Лукаш и сунулся. К пяти пентагоновским офицерам от капитана до полковника, к двум чиновникам из Госдепа, к нескольким помощникам конгрессменов и еще по мелочи. Чтоб уж если вспыхнул скандал, так вспыхнул... Серьезные люди должны были возмутиться наглостью и мелким уровнем предложения. Они возмутились, как же! Два офицера и один помощник конгрессмена отказались, не поднимая, однако, при этом шума, а остальные радостно согласились дружить на самых льготных условиях.

Пришлось с ними налаживать сотрудничество, старательно уклоняясь от информации серьезной, зато радостно хватаясь за сведения личного, даже интимного характера. Бюро расследований сделало несколько кругов вокруг Лукаша, убедилось в том, что шпионажем здесь практически не пахнет, и ушло в тень.

«Еще пять лет назад фэбээровцы, – сказал печально Петрович, – порвали бы тебя, Мишка, в клочья, а сейчас...» Петрович печально покачал головой, будто ему и в самом деле было обидно за скурвившихся штатовских чиновников и махнувших на все рукой контрразведчиков. Ну и то, что Лукаша не порвали – тоже, наверное, Петровича сильно опечалило. Петрович был большим поклонником сентенции о том, что если человека что-то не убивает, то делает сильнее. Особенно для своих подчиненных. Для молодых подчиненных.

Лукаш еще раз глянул в инфоблок, убедился, что хорошо запомнил информацию из файла, присланного Петровичем, сунул инфоблок в свою дежурную сумку и пошел завтракать.

Ресторан, в котором кормилась журналистская братия, находился на втором этаже, на третьем питались члены Специальной комиссии по расследованиям преступлений против человечности. С членами Специальной комиссии журналисты, конечно, общались, но не настолько близко, чтобы сидеть с ними за одним столом.

Вот, казалось бы, занимаются люди правильным делом – ищут и наказывают виновников тех самых преступлений против человечности. Но только делают они это как-то гадко, да и время выбрано слишком правильно. Безопасно сейчас в Америке ловить этих самых преступников.

– Ты командовал танком, который, перестреливаясь в Ираке с боевиками, случайно вложил снаряд в ничем не повинный дом? Что значит – случайность? Виноват, преступник, будешь наказан. К тому же, обрати внимание, и родное государство не возражает, оказывает содействие всем и всяческим комиссиям.

Государство не то, чтобы не возражало, а всячески содействовало. Преступников, правда, ловили все чаще мелких, до полковника включительно. Либо генералы преступлений не совершали, либо их было решено поберечь на будущее.

«Меня возле этих падальщиков тошнит», – сказал как-то фотограф из Малайзии, выразив общее настроение. Очень точно сказал – тошнит.

Лифт не работал. Вернее, не работали оба лифта, но тот, что справа, не могли починить уже с неделю, а теперь вот вырубился и тот, что слева. На него тоже повесили табличку «Извините за временные неудобства».

Лукаш на лестнице нагнал англичанина. Толстого, с одышкой шестидесятилетнего англичанина, действительно, звали Джоном Смитом, что почему-то несказанно веселило окружающих. Настолько веселило, что даже прозвище ему никто не стал придумывать. Джон Смит и Джон Смит, мать его.

– Видел стрельбу? – поздоровавшись, спросил Смит.

– Да, – Лукаш притормозил и пошел рядом с англичанином. Тот обижался, когда коллеги его игнорировали. – А что?

– И как ты оцениваешь все это? – Смит остановился, вцепившись в перила, и попытался перевести дыхание. В горле британца сипело и клокотало, по лицу стекали крупные капли

пота. – Брошу я все и уеду отсюда... У меня в номере жарко, словно в финской парной, так тут еще и лифт... И главное, еще вчера утром у меня кондиционер работал, а вернулся вечером – нет. Возникает чувство, что его специально поломали.

Смит вытер пот с лица и печально взглянул на Лукаша.

– Ты говорил, что у тебя тоже сломан кондиционер?

Лукаш кашлянул смущенно. А ведь ему вполне могли починить кондишн за счет бедняги-англичанина. С менеджера станется. В Зеленой Зоне и не такое могло произойти.

– Я заплатил полсотни евро, – произнес Лукаш виноватым голосом.

– Да? – задумчиво спросил Смит. – Действительно. А я все никак не могу привыкнуть. Все-таки четыре звезды, Вашингтон... Пятьдесят евро... А фунты они берут?

– Не поверите, – Лукаш сделал страшные глаза и понизил голос: – Они даже рубли берут. Предпочитают евро, но рубли берут. И юани, и даже тайские баты. Лишь бы не доллары.

– Полсотни евро, – повторил Смит. – А как думаешь, сколько нужно будет заплатить, чтобы и лифт починили?

– Джон! – строгим голосом произнес Лукаш. – Не создавайте прецедент! Иначе все это зайдет слишком далеко, я – русский, я – знаю!

– Что ты знаешь? – спросил сбежавший сверху Квалья.

Итальянец говорил по-русски чисто, почти как на родном итальянском. Еще он говорил по-английски, по-немецки и по-арабски. Квалья был очень компанейским парнем, имел кучу знакомых, репутацию болтуна, при этом еще ни разу ни с кем не поделился важной информацией. Все в него уходило как в черную дыру. Русские за глаза называли его Канальей, Каналья это знал, но не обижался.

– Что-то о стрельбе в Нью-Йорке?

– Я все знаю, – заявил Лукаш. – Я даже знаю, где ты вчера схлопотал этот замечательный синяк.

– Этот? – переспросил Квалья, указывая на скулу. – Тоже мне секрет! Это знают еще три сотни участников вчерашней вечеринки. Ты скажи, за что я его получил?

– Ты девицу по заднице шлепнул, – вкрадчивым голосом напомнил Лукаш. – Эдак ласково и игриво...

– И что? Это повод бить меня по лицу? – Квалья осторожно потрогал синяк и поморщился. – Била, между прочим, меня не девушка. Так девушка ударить не может. К тому же девушкам обычно нравится, когда я их трогаю.

– Тебя не девушка била, – с готовностью кивнул Лукаш. – Тебя бил ее отец. Это была невеста твоего земляка. А бил тебя сенатор Соединенных Штатов.

– Матерь божья!.. – простонал Квалья. – Это точно?

– Увы, – развел руками Лукаш. – Совершенно точно. Я стоял почти рядом. Когда ты летел в кусты, то чуть не задел меня ногой.

– Но с другой стороны, – усмехнулся Квалья, – она ведь в Италию потом поедет с мужем, так?

– Ходили слухи.

– Вот там я и наверстаю, – Квалья щелкнул пальцами. – Она оценит мое постоянство. А задница у нее на ощупь даже лучше, чем на вид, клянусь!

– Ладно, джентльмены, пойдемте, – предложил передохнувший Смит. – Сейчас внизу парни болтают, обмениваются информацией, а мы тут...

– Я вам все скажу, – пообещал Лукаш. – В деталях.

– Слово чести?

– Какое может быть слово чести у журналиста вообще и в наших местах в частности? – засмеялся Квалья и побежал вниз по ступенькам. – Михаилу можно верить и так, без слова. Но вы уж потерпите, пусть он сразу всем рассказывает. Чтобы ему дважды не повторять.

– Какой заботливый макаронник, – пробормотал Смит. – Вы сильно удивитесь, если узнаете, что он шпион?

– Я не удивлюсь, если узнаю, что вы тоже работаете на какую-нибудь разведку, – засмеялся Лукаш. – Может быть, даже на британскую. Вы сами удивитесь?

– Я уже давно ничему не удивляюсь, – печально проронил истекающий потом Смит. – В нашем мире уже ничему не стоит удивляться... Все катится в бездну...

В ресторане было людно. Телевизор работал, в кадре маячил журналист и что-то говорил, указывая левой рукой на искалеченную Свободу у себя за спиной.

– ...варварскую акцию, – услышал Лукаш. – Федеральные власти и Военно-Воздушные Силы пока отказываются комментировать происшествие.

– Да выключите вы эту ерунду! – потребовал Ковач, увидев, что вошел Лукаш. – Михаил, Квалья врал, что вы знаете подробности.

– Я не врал! – возмутился Квалья.

– Квалья не врал, – подтвердил Лукаш и прошел к своему столику у окна. – В этот раз – не врал.

Журналисты и официанты молча смотрели на русского, ожидая обещанной информации.

– Мне кофе, пожалуйста, – сказал официанту Лукаш, сев к столу. – И что там у вас из еды...

– Лукаш! – тихонько позвал Квалья, проведя ладонью по своему бритому черепу, словно приглаживая несуществующие волосы. – Миша! Тебя давно пинали ногами коллеги по цеху?

Остальных, как оказалось, тоже интересовал этот вопрос. Более того, они даже стали намекать, что готовы восполнить этот пробел в образовании уважаемого господина Лукаша.

– Мы не ведем переговоров с шантажистами, – сказал Лукаш. – И не поддаемся на угрозы.

– Америка тоже не вела и не поддавалась, – напомнил Смит, усаживаясь напротив Лукаша. – И это ей помогло?

– Вот это... – Лукаш указал на Смита. – Вот это – низкое британское коварство. Провокация к тому же. Великобритания всегда относилась к России враждебно. И я мог бы послать всех вас на фиг, проиллюстрировав тем самым старинную российскую мудрость «Русские не сдаются», но сегодня я не выпался, я хочу дрыхнуть и, кроме того, в любом случае, вы все узнаете через час. Пресс-конференцию уже назначили?

– В десять, – произнес кто-то за спиной Лукаша.

– Ладно, – потянувшись, сказал Лукаш. – Слушайте, бандерлоги... Все меня слышат? Я спрашиваю – все?

– Все, – нестройным хором ответили журналисты.

Это был ритуал, и на Лукаша за такие выходы уже даже перестали обижаться.

– Значит, записываем, – сказал Лукаш. – Диктую один раз и повторять не буду.

Зашуршали открываемые блокноты.

«Бедная Сара Коул, – почти с раскаяньем подумал Лукаш о пресс-секретаре Белого дома. – Был у тебя шанс отделаться общими словами, но теперь ты его лишаешься. Теперь прижмут тебя на пресс-конференции эти чудовища, вооруженные информацией, и порвут тебя в клочья, потому что ничего, кроме этой информации, ты им сказать не сможешь. И все подумают, раз уж чудаковатый русский парень все это знает, то ты-то, человек президента, наверняка должна знать куда больше. И если не говоришь, то... Бедная Сара Коул!»

– Значит, так, – вздохнул Лукаш. – Первый аппарат пилотировал майор Френсис Ти Роджерс, позывной «Пумба». Второй – капитан Дана Стоппард, позывной «Фея». Оба из девяносто четвертой истребительной эскадрильи. Взлетели в пять пятьдесят с базы Лэнгли, штат Виргиния. Учебный полет в паре. Покинули зону полетов, не реагируя на команды с земли. В шесть пятнадцать отработали с памятником и ушли в сторону Техаса, где и приземлились

около восьми часов утра на базе Дайс возле Абелина. Официальный Техас своей позиции не озвучил. Хотя, насколько я понимаю, из Техаса выдачи нет.

– Что? – не понял Махмудка, простой до наивности телевизионщик из Эмиратов.

– Ну, не выдадут ни пилотов, ни «рапторов», – пояснил Лукаш. – Никогда не выдавали и сейчас пошлют федералов куда подальше.

– Это все? – спросил кто-то из немцев, Лукаш их еще по именам не запомнил, они только два дня назад сменили Пауля и Карла, которых в журналистском пуле именовали Сладкой парочкой, не имея, в принципе, в виду ничего плохого. Эти немцы вполне могли наследовать прозвище, потому что постоянно держались вместе и даже вопросы задавали хором.

– Тебе еще размер груди капитана Стоппард назвать? – осведомился Лукаш. – Что знал – я вам сообщил, а дальше... Если вы меня спросите, что обозначает Ти в имени пилота, я вам не смогу ответить. Вы же профессионалы, копайте! А мне нужно завтракать и уезжать. У меня сегодня работа на пленэре...

Пока Лукаш завтракал, журналисты обговаривали полученную информацию. Махмудка позвонил кому-то и выяснил, что майор Роджерс и капитан Стоппард действительно служили на базе Лэнгли. Квалья попытался внаглую дозвониться на базу и попросить к телефону кого-то из летчиков, но был послан с ходу и категорично.

Общая идея рассуждений сводилась к тому, что все это неспроста. Особо одаренный в технических вопросах Жак Морель, о котором, почти не скрываясь, говорили, что он, гад, шпионит минимум для трех контор, быстренько прикинул и заявил, что если летчики действительно улетели к Абелину и на самом деле с базы Лэнгли, то без подвесных баков у них это получиться не могло. А раз у них были баки, то о каких учебных полетах шла речь? О каких вообще полетах могла идти речь, если американская авиация благополучно сидит на земле, экономя каждый литр горючего? Нет у военно-воздушных сил США керосина. Неприкасаемый запас есть, а для учебных полетов – нет.

Так что, если Лукаш не врет – Лукаш молча поднял над головой средний палец и показал его французу – если Лукаш не врет, то пилоты готовились именно к перелету в Техас, и на базе либо совсем слепые сидят, не заметили баков и запроса на горючее, либо...

И как же это так вышло, спохватились журналисты, что пара «рапторов» свободно вошла в зону Нью-Йорка, а потом беспрепятственно ушла в Техас, проследовав мимо авиационных баз и через несколько рубежей противовоздушной обороны? Лукаш уже закончил завтрак и, забросив сумку на плечо, шел к выходу, когда в ресторане прозвучало: «Это что же теперь будет?»

– На форт Самтер это, пожалуй, не тянет, – сказал Лукаш, на секунду остановившись в дверях. – Это если вы имеете в виду новую гражданскую войну. Но у Техаса теперь есть еще два «раптора» и еще два пилота. Это еще два повода Мексике задуматься над вопросом – начинать с Техасом разборку или нет.

– Четыре повода, – пробормотал Ковач. – Два плюс два – четыре.

Лукаш снова показал палец, на этот раз – большой и вышел из зала.

У выхода из гостиницы Лукаша нагнал Мартин из ресторана, вручил пакет с продуктами.

– К ужину вернетесь? – спросил Мартин.

– Очень надеюсь, – ответил Лукаш, засовывая купюру Мартину в нагрудный карман. – На всякий случай подержи для меня ужин.

Не то, чтобы в Зеленой Зоне были напряги с продуктами, достать можно было все, но лучше поддерживать добрые отношения с обслуживанием. На всякий случай. Вот за пределы Вашингтона без запаса еды лучше не выезжать. Придорожные тошниловки еще работали, но что там могли предложить проезжему под видом говядины...

Разумные люди такие эксперименты на себе не ставили, а Лукаш считал себя человеком разумным. Умные люди вообще старались не выезжать из Зеленой Зоны кроме как в составе

конвоя под усиленной охраной. Но то были умные люди, и у них не было такого бессердечного шефа, как Петрович. Хотя да, сам Петрович тоже старался за охраняемым периметром не появляться.

Лукаш, зажмурившись, замер на пороге отеля.

Солнце жарило немилосердно, слепило, отражаясь в стеклах зданий напротив и в хромированных деталях автомобилей на стоянке. Повесив сумку на плечо, Лукаш достал из кармана темные очки, надел их и огляделся. Как раз в этот момент перед ним остановился черный джип с федеральными номерами.

– Подвезти? – спросил Джонни, высунувшись в окно. – Почти даром.

Лукаш, приподняв очки, потер пальцами переносицу. В голове слегка шумело, кофе почти не помог, только вызвал легкую тошноту и горечь во рту.

– У тебя заднее сиденье свободно? – спросил Лукаш.

– Там одна сумка, можешь отодвинуть ее, – ответил федерал. – Ты разве не поедешь на переднем? Мне говорили, что у вас и арабов престижным считается место возле водителя.

– А у вас его называют местом смертника, – сказал Лукаш, открывая заднюю дверцу. – Я посплю пока.

Лукаш перебросил увесистую сумку Джонни к заднему стеклу, сунул туда же свою и сел.

– Я катастрофически не выспался.

– А я думал, ты мне о расстрелянной Свободе расскажешь, – с деланным разочарованием протянул Джонни. – Ты так интересно выбалтываешь военные и государственные...

– Высота от земли до конца факела – девяносто три метра, высота собственно фигуры – сорок шесть, вес медной обшивки – тридцать одна тонна, стального каркаса – сто двадцать пять тонн. В футы и фунты переводить не буду, сам поработай мозгами. Что уставился, болезный? Еще про «рапторы» рассказать? Тринадцать с половиной на почти девятнадцать да на чуть больше пяти метров. Вес – тридцать восемь тонн, стоимость... почти на вес золота, если не врут.

Джонни хмыкнул, рассматривая пассажира через зеркало заднего вида.

– Ехай, извозчик! – приказал Лукаш, захлопнул дверцу и закрыл глаза. – Трогай! На чеках, я надеюсь, нас останавливать не будут?

Машина тронулась.

– На чеках нас останавливать не будут, – пообещал Джонни. – У нас пропуск, мы включены в специальный список – с чего нас останавливать и проверять? У меня появляется соблазн громадного размера, когда выдаются такие поездки. Это ж сколько всего я мог бы провезти отсюда туда и обратно? Можно было бы озолотиться, я думаю. Из Зеленой Зоны – лекарства. Знаешь, сколько сейчас можно взять в провинции за инсулин или антибиотики? Люди даже торговаться не будут, все отдадут. У тебя есть знакомые в посольской больнице? Или у военных?

– У меня есть знакомые в посольской больнице, – не открывая глаз, ответил Лукаш. – И у военных. Но я не буду заниматься такими операциями. Я брезглив.

– А за тридцать процентов? – спросил Джонни.

– Пошел ты...

– А за пятьдесят? – не унимался федерал.

– Я сплю, – сказал Лукаш. – Я не выспался и вполне могу что-нибудь сделать не вовремя подвернувшемуся человеку. Намек понятен?

– Более чем, – засмеялся Джонни. – Спи, я буду ехать аккуратно и осторожно. Но ты подумай по поводу пятидесяти процентов. Лично у меня брезгливость при таком раскладе исчезла бы сразу. Даже если бы и была когда-то...

Глава 2

Сон должен был навалиться сразу. Машина шла ровно, дороги в Вашингтоне, несмотря ни на что, поддерживали в хорошем состоянии, ничто вроде бы не мешало Лукашу вырубиться. Однако...

Эти чертовы «рапторы» не выходили из головы.

Ничего не происходит просто так. Все имеет причины и следствия. Почему пилоты решили устроить показательное выступление? Надоело смотреть, как правительство пункт за пунктом сдает интересы государства? Неплохой повод, патриотичный. Вдобавок жалование в армии продолжали задерживать. А если даже и не задерживали, то платили без учета инфляции. Насколько слышал Лукаш, армейским разрешали прерывать контракты без штрафных санкций. Надоело считать гроши от зарплаты до зарплаты – пиши рапорт и сваливай в гражданскую жизнь.

А вот в Техасе... В Техасе все было иначе. В Техасе зарплату военным платили, выплачивали надбавки и даже, если верить слухам, премиальные выдавали за приведенную в штат технику. Так что капитан Стоппард и майор Роджерс этим утром стали намного богаче, чем были еще вчера.

Выходит, что это они ради денег? Чушь. Ради денег они улетели, а вот ради чего стреляли?

«Ладно, – подумал Лукаш, – со временем все станет известно. Уже наверняка из Вашингтона позвонили в Остин и выразили свое глубокое негодование по поводу...»

– Доброе утро, Вашингтон! – прозвучало в салоне машины. – Мы рады приветствовать всех, кто нас слушает. Погода в столице Соединенных Штатов солнечная, безоблачная и, я даже сказал бы, – лётная. Во всех смыслах этого слова!

– Выключи радио, – не открывая глаз, потребовал Лукаш. – Не хватало еще слушать этих идиотов.

Джонни послушно выключил радио.

– И если ты еще раз попытаешься меня разбудить... – Лукаш вздохнул. – В общем, я и сам не знаю, что с тобой сделаю. Но это будет нечто страшное...

– Уже боюсь, – засмеялся Джонни, – но на чеках тебя все равно разбудят. Спящий пассажир на заднем сиденье вызывает недоверие у патрульных. А вдруг я тебя усыпил и похитил? Вывезу из Вашингтона, спрячу и стану требовать выкуп. Или просто повешу тебя возле дороги в назидание оккупантам...

– Хренушки, – возразил Лукаш, – в назидание оккупантам патриоты пишут ругательные надписи на стенах. А вешать должны проклятых федералов, сотрудничающих с проклятыми оккупантами. И, кстати, оккупантами нас еще не называют, это ты торопишь события. Если верить граффити – мы уроды, просто уроды.

– И еще ублюдки, вон, можешь убедиться справа, – Джонни указал пальцем. – Ублюдки, убирайтесь домой!

Лукаш приоткрыл глаза и убедился. Написано было по-русски и без ошибок. Рядом с надписью были небрежно намалеваны гениталии. Без таланта намалеваны и без вдохновения.

– Никакого чувства прекрасного у этих патриотов, – Лукаш зевнул. – Ну можно ведь что-то придумать изящнее. И смешнее. Ну, что-то вроде «Ваньки, гоу хоум!».

– Ваньки – не самая большая проблема, Михаил, уж ты поверь. К вашим относятся более-менее хорошо. Не особо любят, но и не так, чтобы ненавидеть. А вот кому пришла в голову идея привезти сюда арабов и сербов с вьетнамцами?

– А также немцев, французов, итальянцев... Весь мир пришел на помощь заболевшим Штатам Америки. С моей точки зрения – такое умильное содружество добрых самаритян получилось. Все вас...

Машина резко затормозила, Лукаш открыл глаза – они остановились перед чеком у въезда на Твин Бриджес. Перекрытый Джордж Месон Мемориал бридж был справа, мемориал Джефферсона остался тоже справа, но позади.

– Очередь, будь она неладна, – сказал Джонни.

У него был богатый набор русских идиом, использовал он их всегда правильно и к месту, говорил без ошибок и акцента. Был у его речи даже московский оттенок, такой «акающий» говорок с проглатыванием гласных. Встретишь такого в России – примешь за своего. В российской провинции он, наверное, мог бы и в рыло схлопотать именно за то, что москвич.

– Очередь, – повторил за федералом Лукаш. – Минут на тридцать, не меньше.

– И мы имеем все шансы не успеть к отправлению конвоя, между прочим, – Джонни посмотрел на часы. – У нас времени в обрез.

– Кто там у нас сегодня на чеке стоит? – Лукаш тяжело вздохнул, понимая, что придется выходить из машины, идти договариваться. – Глянь, чей флаг?

– Ваш триколор, – присмотревшись к висящему в безветрии флагу, сказал Джонни. – Повезло.

– Наверное, – Лукаш переложил удостоверение в нагрудный карман рубашки, достал из сумки блок сигарет и вышел из машины.

Солнце ударило по голове и плечам, словно раскаленный молот. Сразу навалилась слабость.

«Сейчас бы дождик, – с тоской подумал Лукаш, надевая очки. – Такой сеющий мерзкий дождик. Серое противное небо, низкое и липкое на вид, холодный ветер... Вот было бы славно».

Подшвы кроссовок немного липли к асфальту, бетонные блоки и мешки с песком чека казались ослепительно белыми. Бронетранспортер в зелено-коричневом камуфляже выглядел здесь совершенно неуместным. Не в цвет.

Лукаш медленно прошел мимо полутора десятков машин, стоявших перед чеком. В половине из них находились семьи, с детьми и домашними любимцами. На крышах некоторых машин были мешки и картонные ящики с барахлом. Продолжался исход аборигенов из Зеленой Зоны. Чем меньше американцев здесь останется, тем спокойнее будет федеральным властям и международному контингенту.

Про полчаса ожидания Лукаш явно погорячился. Машины никто не проверял, перед заграждениями чека прохаживал единственный боец с лычками сержанта на погонах, но ничего сержант не проверял и не досматривал. Он, собственно, ничего и не мог досматривать в одиночку, ни одна инструкция ему этого не позволила бы в паре с инстинктом самосохранения. Если здесь, в Штатах, нападений и атак смертников еще не было, то по всему миру ребят на таких вот блокпостах приучили нижней челюстью не щелкать и без прикрытия к машинам не соваться.

Сержант демонстрировал присутствие, ленивыми шагами прохаживаясь вдоль заграждения. Каска была на голове, бронежилет имелся, но рукава куртки были закатаны выше локтя, автомат висел на шее и руки лежали на автомате, как на перилах.

«Вылитый немецко-фашистский оккупант из старых советских фильмов. Ему бы еще губную гармошку. Интересно, если он сам не соображает, как все это выглядит, то куда смотрит его непосредственное начальство? Они задумываются, как их воспринимают местные жители, – с тоской подумал Лукаш. – А потом, если все взорвется...»

Какое, на хрен, если?! Когда, блин, все взорвется, вот тогда и станут рассуждать разные-всякие на тему – откуда такая ненависть, мы же ничего такого...»

Наконец сержант Лукаша заметил.

– Стоять! – приказал сержант, за оружие не хватаясь, но поворачиваясь к приближающемуся Лукашу левым боком, дулом навстречу. – Назад, пиндос!

Значит, пиндос, вздохнул Лукаш. Вот ведь.

– Свои, братан! – Лукаш изобразил на лице улыбку и снял очки, не дожидаясь, пока палец сержанта ляжет на спусковой крючок. – Российский журналист при оккупационном корпусе.

Левой рукой Лукаш достал из кармана удостоверение, показал его сержанту.

Сержант опустил ствол автомата.

– Ты тут старший? – спросил Лукаш.

– Вообще-то лейтенант Великих, – сержант оглянулся на чек. – Но он сейчас немного занят... А что?

– Мне нужно проехать, – Лукаш зачем-то указал пальцем на КПП.

– Всем нужно проехать, – сказал сержант. – Все и проедут, по очереди. Всех досмотрят.

– Так почему не досматривают?

– Так перерыв на ланч, – усмехнулся сержант. – Жара, мать ее, вот и приходится делать перерывы.

– Таки да, – кивнул Лукаш, – жара. А ты, что ж, на солнцепеке?

– А я через полчаса сменяюсь и в расположение, – сержант задумчиво посмотрел на блок сигарет, который Лукаш держал под мышкой.

– Я опоздаю к выезду колонны, и это будет плохо...

– Плохо, – не стал спорить сержант. – Завтра поедешь.

– Завтра уже будет поздно... И лейтенант, говоришь, отдыхает?

– Отдыхает, – сержант оглянулся на бронетранспортер.

– И часто у вас перерывы?

– Приказано щадить личный состав, – сержант наморщил конопатый нос, не сводя взгляда с сигаретного блока.

– А этих, в тачках? – Лукаш кивком указал на стоящие перед чеком машины.

– Пиндосов, что ли? – улыбка сержанта стала пренебрежительной. – А нам какое дело.

Мы несем службу...

– Вдали от родины, – подсказал Лукаш.

– Что? Да, вдали от родины, между прочим, – кивнул сержант. – Если им в заднице свербит к переездам, то это их проблемы. Вот досмотровая группа отдохнет, вернется, тогда и начнем пропускать...

Лукаш оглянулся на машины, над их крышами дрожал раскаленный воздух. Ветра не было, в большинстве автомобилей наверняка не работали кондиционеры, но никто не открыл дверей и не опустил стекол.

«Американцы наверняка не позволили бы с собой так обращаться, – подумал Лукаш, – а пиндосы... Он, пиндос, виноват уже своим существованием».

– Если они у себя порядка навести не могут, – словно отвечая на мысли Лукаша, сказал сержант, – то пусть по нашим правилам живут.

Как-то он это дежурно произнес, словно цитировал кого.

– Замполит сказал? – криво усмехнулся Лукаш.

– Офицер-воспитатель, – сержант посмотрел в лицо журналиста. – А что, не так сказал?

Глаза у сержанта были светло-голубые, почти прозрачные. Безмятежные и спокойные. Взгляд уверенного в своей правоте человека. Ему так сказали, убедили. Он и сам так думает. Как с пиндосами еще можно общаться? С этими бестолковыми уродами, что разваливают собственную страну и чуть не угробили мировую экономику всего за пару лет.

Ну и если они терпят – значит, все в порядке, так ведь? Значит, их такой расклад тоже устраивает.

– Закурить не найдется? – не выдержал, наконец, сержант.

– Есть, – спохватился Лукаш. – Блока сигарет хватит?

Улыбка сержанта стала широкой и искренней, журналист ему определенно начинал нравиться.

– Хватит, – сказал сержант.

– Держи, – сказал Лукаш и сунул блок сержанту. – Я тороплюсь...

– Понятное дело, – кивнул сержант. – Мы сейчас мигом все организуем. Ты иди в свою тачку, сейчас пропущу.

Сержант подошел к первой в очереди машине, синему мини-вэну, с пакетами на верхнем багажнике и двумя детьми в салоне.

– Сваливай вправо! – сказал сержант. – Гоу ту... Райт! Это, квикили, блин!

Мини-вэн завелся. Бензин у него был паршивый, американцы наконец научились разбавлять топливо. Дети что-то закричали, но Лукаш слушать не стал, быстрым шагом, опустив взгляд, он прошел мимо очереди назад, к своему джипу. Опустился на заднее сиденье.

– Я начинаю понимать прелесть коррупционных схем, – сказал Джонни, глядя перед собой. – Раньше не понимал, а сейчас... Немного противно, но очень... очень эффективно.

Сержант освободил дорогу, размахивая руками и несколько раз пнув ботинком в дверцы особо непонятливых пиндосов. На черном «Крайслере» с вашингтонскими номерами вроде как случайно снес прикладом зеркало заднего вида, но водитель вроде как не заметил. Или не обиделся. Может, у него этих зеркал...

– Поехали, – стараясь говорить спокойно, приказал Лукаш.

– Поехали, – повторил за ним Джонни.

Когда они проезжали мимо сержанта, тот помахал им рукой. Джонни улыбнулся и помахал в ответ. «Ваньки, гоу хоум», – пробормотал он еле слышно, держа улыбку. Лукаш сделал вид, что не расслышал.

Бронетранспортер проводил их взглядом пулемета до въезда на мост, потом отвернулся.

– Успеваем, – сказал Джонни. – Я же говорил, нужно было брать контрабанду. Загрузить багажник наркотой... Или медикаментами. Хочешь шестьдесят процентов, Лукаш? Это мое последнее слово, между прочим. Шестьдесят процентов – это большие деньги.

– Я подумаю, – пообещал Лукаш. – Перед следующей поездкой – поговорим.

– Хорошо! – обрадовался Джонни. – Только давай мы еще с тобой поговорим по дороге. Есть варианты заработать и на обратных поставках...

«Как мне все это надоело, – с тоской подумал Лукаш. – Все эти разговоры-разговоры-разговоры... Хлюпанье и чавканье вонючего варева в котле под названием Вашингтон. Все следят друг за другом и за американцами, американцы просят помощи, понимают, что без временного международного контингента нынешний президент в Белом доме продержится максимум часа полтора, но при этом начинают потихоньку именовать своих защитников оккупантами, а те, в свою очередь, понимая, что без этого клоуна в Овальном кабинете, территория, которую все еще называют Соединенными Штатами Америки, очень скоро превратится в поле битвы всех против всех, ведут какие-то свои игры, подставляют коллег по миссии, пытаются чего-то заработать на бардаке, который, похоже, только набирает силу.

И все при этом делают самые невинные лица, говорят о гуманизме, законах, недопустимости анархии и хаоса.

И обеим сторонам это начинает надоедать. Не может столько вооруженных иностранцев вызывать симпатию у аборигенов. Особенно у тех, кого вроде как защищают от них самих же...»

Лукаш чуть не заснул, но слева, от аэропорта Рейгана, низко прошел транспортный самолет, набирая высоту, потом Джонни свернул вправо, не останавливаясь, проскочил чек на выезде с моста и въехал на стоянку перед Пентагоном.

Они успели.

Лукашу даже не пришлось выходить из машины, Джонни сам сбегал к старшему в конвое, передал бумаги и получил разрешение следовать в хвосте колонны, перед замыкающим бэтээром.

– Еще пять минут – и опоздали бы, – сказал Джонни, вернувшись в машину. – Пришлось бы возвращаться назад или ехать в одиночку, без конвоя.

Лукаш, совсем уж было задремавший, вскинулся, потом махнул рукой и снова закрыл глаза.

Тоже мне, конвой! Этот Джонни не видел настоящих конвоев. И если все будет продолжаться, как идет, то еще насмотрится. Два десятка грузовиков под прикрытием двух бэтээров. А танков не хочешь? А пару вертолетов огневой поддержки в воздухе? Лукаш поездил с такими гуманитарными колоннами на Ближнем Востоке, имел сомнительное удовольствие.

Вот там был экстрим, а тут... детские забавы... пока...

Два автомата смотрели на Лукаша, потом из их стволов медленно, словно нехотя, вылезли пули. Из того, что был левее – пуля вышла раньше. Воздух, мутный от висящей раскаленной пыли, подается неохотно, пули с натугой ввинчиваются в него, оставляя за собой явственно видимый след. Тоннели в пыли.

– ...Лукаш, проснись! – кто-то тряхнул Лукаша за плечо.

– Я не сплю, – сказал Лукаш, прежде чем сообразил, что таки спал, и спал довольно долго, раз уж снова попал на свой давнишний расстрел.

Четыре часа, присвистнул Лукаш, глянув на часы.

– Конечно, не спишь, – засмеялся Джонни. – И когда я ходил прощаться к начальнику конвоя, ты не спал, и пока мы ехали по федеральной трассе, и когда свернули в эти дебри. И раз ты не спишь, то можешь посмотреть на городок с простецким названием Бриджтаун. Если верить Гуглу, раньше здесь стоял щит с надписью «Добро пожаловать!» и информацией о количестве населения. Ключевое слово – раньше.

Лукаш потер глаза и осмотрелся – джип стоял у обочины. Дорога вышла из леса и дальше спускалась к домикам Бриджтауна.

– Как думаешь, почему они убрали щит? – спросил Джонни.

– Не хотят, чтобы кто-то знал о количестве населения, – пожал плечами Лукаш. – И никого не хотят видеть у себя в гостях. И, наверное, имеют на это веские причины.

Чуть дальше, на склоне возле дороги, стоял грузовик. Вернее, то, что осталось от грузовика. Горел он, похоже, долго, никто его не гасил. Черный остов, голые диски колес, куча какого-то хлама на месте кузова. И несколько дырок на дверце кабины. Очень характерные дыры от автоматной очереди. Стоял остов капотом к городку, получалось, что расстреляли его обитатели этого самого Бриджтауна.

– Как бы в назидание и предупреждение, – сказал Джонни. – Тут неплохо смотрелся бы повешенный. На опушке есть очень хороший дуб, раскидистый такой. Места хватит на нескольких покойников. Представь: ветер раскачивает тела, воронье дерется из-за гниющей плоти, а все проезжие и прохожие понимают, что никто их не ждет в этом городе. И лучше проехать стороной.

– Книжки писать не пробовал? – поинтересовался Лукаш, рассматривая городок.

– Зачем? – Джонни достал из бардачка бинокль и протянул Лукашу. – Кому сейчас нужны новые книжки в этой стране? И в каком жанре писать? Ужасы?

– Реализм, – сказал Лукаш, выбираясь из машины.

– Я же и говорю – ужасы, – Джонни тоже вылез наружу. – И кто сейчас станет за это платить? Достаточно просто выглянуть за окно, чтобы... Что-то интересное увидел?

Ничего интересного Лукаш в бинокль не рассмотрел.

Городок и городок. Населения никак не больше тысячи. Ну – полторы. Главная улица совпадает с дорогой, ну улицы вдоль нее, две справа и две... три – слева. Дома стоят просторно, отгорожены друг от друга белыми штaketниками. Пара двухэтажных домов официального вида в центре. Ближе к окраине – низкие длинные строения, то ли склады, то ли цеха. Или, может, какой-нибудь коровник.

Несколько машин во дворах и на улицах. Но ни одна не едет.

– А людей-то не видать, – сказал Джонни. – Такое чувство, что...

– Есть люди, успокойся, – Лукаш протянул бинокль федералу. – Можешь сам убедиться.

Возле сараев кто-то копошится.

– Ну и хорошо. А то я совсем запереживал. А вдруг это мертвый город? А вдруг тут уже все вымерли? Я с детства Кингом увлекался, у него про мертвецов очень живо написано... Мы сейчас куда едем?

Лукаш посмотрел по сторонам.

– Наверное, к шерифу. Тут же должен быть шериф?

– Может быть, – кивнул Джонни. – Я бы сказал, что он может быть во-от там! Видишь флагшток?

Возле флагштока оказалась мэрия. Двери в ней были закрыты, жалюзи опущены и на стук никто не отреагировал.

Лукаш успел заметить, как дрогнули шторы в соседних домах – кто-то рассматривал пришельцев, пытаясь понять, насколько они опасны.

– И куда пойдём дальше? – спросил Джонни. – Я чувствую себя персонажем вестерна. Герой въезжает в незнакомый городок, медленно едет по улице, а его сопровождают настороженные взгляды...

– И стволы винтовок, – закончил Лукаш. – Потом – бац! И персонаж падает с пробитой головой.

– Или наоборот, стреляет первым, – возразил Джонни.

– Из чего будешь стрелять? Из пальца?

– У меня есть оружие в машине. Я могу за ним сходить.

– Не успеешь. Пришли хозяева, – Лукаш качнул головой, указывая направление. – Шериф, как я полагаю.

Это и вправду был шериф. Такой... Лукаш задумался, пытаясь подобрать эпитет. Правильный шериф. Внушающий доверие.

Невысокий коренастый мужик лет шестидесяти, в легкой куртке со значком на груди и револьвером в набедренной кобуре стоял на дороге возле джипа и, скрестив руки на груди, рассматривал пришельцев.

– А еще один слева за домом, – вполголоса сказал Джонни. – И второй возле дома напротив. Толково стоят, шансов у нас почти нет...

– Ты специалист по уличным боям? – так же негромко поинтересовался Лукаш.

– Я же Аннаполис закончил. Морская пехота США, мать ее за ногу...

– Чем больше я тебя узнаю, тем больше удивляюсь, – пробормотал Лукаш, глядя на шерифа. – Вот как ты думаешь, у него нет, случайно, привычки стрелять первым?

– Неплохая, между прочим, привычка, – так же тихо ответил Джонни. – Полезная при его работе в наше время.

– Добрый день, – сказал шериф.

Произнес он это по-русски, с сильнейшим акцентом, получилось у него нечто вроде «добри дэн». На этом его познания в устном русском, похоже, закончились, и шериф продолжил на английском:

– Кто вы такие? И что ищете? – спросил он.

– Ну, судя по тому, что мы говорили на русском, мы, похоже, русские шпионы, – Джонни улыбнулся, но особой уверенности в его улыбке не было.

– Не очень удачная шутка, – покачал головой шериф, и его правая рука легла на рукоять револьвера. – Попробуй еще раз, сынок.

– Вот сейчас ка-ак стрельнет... – протянул Лукаш, рассматривая аборигена. – А потом просто зароет в землю где-нибудь за околицей.

– Ага, сейчас, – хмыкнул Джонни, продемонстрировал шерифу свои пустые руки и медленно, двумя пальцами залез в нагрудный карман своей рубашки. – Вот у меня бумага из Госдепа...

– Не-а, – еле заметно покачал головой шериф. – Давай по порядку, сынок. Сначала – твои документы и твоего приятеля. Потом – документы на машину. И только потом – вот эту свою писульку.

Похоже, федералов тут не любили. Как, впрочем, везде, где успел побывать Лукаш. Собственно, даже федералы друг к другу относились без особого восторга, но продолжали работать на федеральное правительство и сотрудничать с миротворческим контингентом ООН.

Лукаш сунул Джонни свои документы и посоветовал идти медленно и плавно.

– Не споткнись, – сказал Лукаш. – А то ведь когда в тебя станут стрелять, могут и в меня попасть.

Джонни передал документы шерифу и отступил на шаг, держа руки по швам. Даже всегдашняя улыбка сползла с его лица. Хотя, казалось бы, шериф еще и не угрожал толком. Так, произнес несколько фраз и чуть двинул рукой. Его помощник возле дома напротив, правда, вовсю рассматривал приезжих через оптический прицел винтовки, но никто ведь и не обещал радушного приема.

– Хорошо, – сказал шериф, внимательно ознакомившись с документами. – Бумаги на машину...

– Я могу принести. Минута дела, – предложил Джонни.

У него оружие в машине, пронеслось в голове у Лукаша. А если паренек перегрелся и схватится за пистолет? Морпех недоученный. Он вообще не производит впечатление человека, способного на глупости... Но и впечатление выпускника Аннаполиса по классу морской пехоты он тоже не производит. А тем не менее... Хотя и тут, кстати, не факт. Все вокруг врут, каждый норовит выглядеть не тем, чем является на самом деле. Даже вон Лукаш иногда...

– Ладно, – сказал шериф. – Верю. Зачем пожаловали в Бриджтаун?

Он должен был сказать – в мой город, подумал Лукаш. Это прозвучало бы очень уместно и стильно – в мой город. Я здесь хозяин и даже немного бог.

– Я сопровождаю русского журналиста, – быстро произнес Джонни, отступая в сторону, освобождая линию прицеливания снайперу. – Знаю, что у него здесь дела, но какие...

Это правда. Джонни вчера пытался выпросить у Лукаша о цели поездки, но Лукаш ни черта ему не сказал. Поэтому Джонни получил сопроводительную бумагу с просьбой к местным властям оказывать помощь без указания, какую именно помощь нужно оказывать. Всяческую.

Шериф с интересом посмотрел на Лукаша.

– Мы можем поговорить в вашем офисе? – спросил Лукаш. – Жарко, солнечно. Снайперы...

Шериф оглянулся на своего стрелка и сделал неопределенный жест правой рукой. Снайпер опустил винтовку. Краем глаза Лукаш заметил, что второй помощник шерифа тоже расслабился.

– Мик... хаил Лукач... – медленно произнес шериф.

– Можно просто Майкл.

– Майкл. Хорошо говоришь по-американски, – шериф усмехнулся. – Ладно, пошли в офис. Своего переводчика берешь с собой или пусть подождет здесь?

Лукаш глянул на Джонни.

Интересно, обидится парень, если оставить его на солнцепеке? Можно было бы в целях воспитания, но полезнее, если Джонни будет в курсе всех, даже самых мелких, обстоятельств дела.

– Куда я без него? – с серьезным видом ответил Лукаш. – Он же переводчик и представитель власти. Как можно без представителя власти?

Шериф, похоже, что-то хотел сказать по поводу представителей власти, но передумал. Шериф явно был очень спокойный и уравновешенный человек.

А еще он был неплохим стрелком.

В его офисе на стенах висели всяческие дипломы, свидетельствовавшие об успехах Томаса Бредли в соревнованиях по стрельбе. А еще там были кубки, большие и маленькие, и фотографии. Шериф с винтовкой в руках. Шериф с револьвером в руке. Шериф с охотничьим ружьем над тушей дикого кабана. Молодой шериф в форме военного полицейского на фоне гор.

– Ирак? – спросил Лукаш, указав на фотографию.

– «Буря в пустыне», – сказал шериф, усаживаясь в свое кресло.

Посетителям предназначались два потертых стула. Два потертых рассохшихся стула, жить которым осталось пару минут, подумал Лукаш, когда стулья пронзительно скрипнули под ним и под Джонни. Похоже, посетителей в этом офисе особо не баловали. Или они просто здесь бывали нечасто.

– Ладно, – шериф откинулся на спинку кресла. – Так зачем вы приехали?

Лукаш оглянулся через плечо на парня, сидевшего в глубине комнаты за письменным столом.

– Слышь, Микки, – сказал шериф. – Убирайся на улицу, подыши свежим воздухом. Наши гости хотят секретного разговора...

Микки хмыкнул и вышел.

– И? – шериф прищурился. – Двери и окна закрывать не будем?

– Не будем, – сказал Лукаш. – Я приехал, чтобы сделать материал о жизни в небольшом американском городке...

– Seriously? – приподнял правую бровь шериф. – И за этим тебя принесло именно к нам? Сколько вы сюда ехали от Вашингтона?

– Четыре часа, – сказал Джонни с легкой обидой в голосе.

Какого черта было сюда ехать, если можно было все то же самое увидеть в пятидесяти милях от округа Колумбия?

А не врешь ли ты, сынок, ясно читалось в улыбке шерифа. Вру, мысленно ответил Лукаш. Безыскусно так вру, даже не стараясь выглядеть достоверно.

Шериф ждал продолжения.

– Я хотел бы походить по городу, пообщаться с людьми... начиная, конечно, с первых лиц. С шерифом, с мэром... – Лукаш опустил глаза и кашлянул неуверенно.

– В России интересуются жизнью простых американских граждан? – спросил шериф.

– Ну... – протянул Лукаш.

– Журналист, говоришь... – шериф улыбался насмешливо, не скрываясь. – Зарисовка из жизни аборигенов?

Лукаш вздохнул и развел руками, мол, сами понимать должны, я человек подневольный, мне начальство приказало...

– А теперь – серьезно, – сказал шериф. – Я ведь и обидеться могу. И ты поедешь отсюда вместе со своим переводчиком искать дураков где-нибудь в другом месте. А то мне некогда всякую чушь выслушивать. Мне нужно отправлять машины с товаром на ярмарку.

– Ладно, – Лукаш наклонился и достал из бокового кармана своей сумки колоду карт. Вытащил пиковую семерку и бросил ее на стол перед шерифом.

– Ага... – сказал тот, взяв карту. – Так, значит...

– Он в городе? – спросил Лукаш серьезно.

Шериф перевел взгляд с карты на журналиста, потом снова на карту. Ему очень не хотелось отвечать на этот вопрос. Он понимал, что ничего хорошего от приезда русского журналиста ждать теперь не приходится, но понимал также, что и зависит от него, шерифа, теперь не так уж много.

– Это у него какое звание? – спросил шериф.

– Генерал-майор, – сказал Лукаш. – ФСБ, служба внешней контрразведки.

– Да? – искренне удивился шериф. – А так и не скажешь... Университетский профессор в отставке. Может, не он?

– Приехал около двух лет назад, живет скромно, уже установил дружеские отношения почти со всеми жителями вашего города. Курит умеренно. Любит выпить, но меру знает. На тыльной стороне правой ладони – небольшой шрам сантиметра два... полтора дюйма, – Лукаш показал пальцем на своей руке, где именно шрам. – Кстати, раньше любил охоту.

– Он и сейчас любит, – вздохнул шериф. – Форд неплохой стрелок.

– Форд? – переспросил Лукаш.

– Джеймс Форд, – сказал шериф. – А как его на самом деле зовут?

– Колоухин, Олег Данилович, – Лукаш краем глаза заметил, как изменилось выражение лица Джонни.

Джонни был потрясен. Он, конечно же, слышал о Колоухине. И наверняка знал, что тот осужден заочно на пятнадцать лет строгого режима. И понимал, что в случае задержания бывшему генералу вряд ли светит дожить до конца срока – слишком уж старательно тот выслуживал себе вначале статус политического беженца, а потом и гражданство США.

Когда в Америку прибыли российские миротворцы, Колоухин был объявлен в розыск и включен в российскую колоду разыскных карт. И за него даже была обещана премия. За информацию или задержание.

Вот теперь Джонни все понятно. Получается, что Лукаш каким-то образом вычислил бывшего генерала и явился сюда, никого не поставив в известность, чтобы убедиться – Джеймс Форд и есть тот самый Колоухин. Убедиться или задержать, если получится?

Если задержать, то без участия местного шерифа этот фокус не пройдет, ясное дело.

– Хочешь его забрать? – спросил шериф.

– Зачем? – искренне удивился Лукаш. – Я похож на супермена? Я хочу получить эксклюзивное интервью с предателем и изменником родины. Если дедушка даст мне интервью – я уеду. Если откажется – то я просто звякну по телефону в штаб Российского Контингента. В первом случае, у генерала будет часов восемь на то, чтобы сбежать, а во втором, боюсь, гораздо меньше. Тут неподалеку есть военная база, вертолету лететь минут сорок.

– И много тебе заплатят за интервью? – осторожно поинтересовался Джонни. – Может, лучше задержать бродягу и доставить в Вашингтон?

– Мне это неинтересно, – отрезал Лукаш. – Но если ты договоришься с шерифом...

Джонни посмотрел на шерифа.

– Пятьдесят тысяч, – сказал Джонни. – Евро. Предлагаю половину.

Шериф молчал, разглядывая столешницу.

– Это хорошие деньги, – напирал Джонни. – Мы берем генерала, отвозим в Вашингтон и получаем полсотни тысяч. В долларах это будет...

– Знаете, – Лукаш встал со стула, – я, пожалуй, пойду к Джеймсу Форду пообщаться, а вы тут без меня... И, пожалуйста, после того, как я получу свое интервью. Хорошо?

– Я провожу, – сказал шериф, вставая с кресла.

– Может, просто скажете адрес?

– Чужого он не пустит на порог, – шериф вздохнул и надел шляпу. – Он очень не любит чужих. И у него в доме два дробовика плюс «ремингтон» семьсот под четыреста шестнадцатый патрон.

Десять пятьдесят семь в миллиметрах, вспомнил Лукаш. А они тут не шутят! Если такая пуля влетит, то...

– Ладно, ходим вместе, – сказал Лукаш. – Только одна просьба... Мы оставляем моего спутника здесь и ничего не говорим вашим помощникам.

– Даже так? – шериф покачал головой.

– Даже так.

– Ладно, – сказал шериф. – Пошли.

Глава 3

Бриджтаун оказался городом аккуратным и чистеньким. Его продолжали подметать, несмотря на трудности переходного периода. Или как там назовут это время будущие учебники истории. Период развала или смутное время. Или еще как... Может, внесут это время в общую продолжительность Второй Гражданской войны.

...А скажи, Джимми, учитель внимательно посмотрит на Джимми сквозь стекла очков, каким событием началась Вторая Гражданская война? Джимми оглянется на одноклассников, вздохнет и скажет, с расстрела Свободы, мисс Джонсон. А не с убийства русского журналиста в Бриджтауне, голосом киношного провокатора спросит мисс Джонсон, и класс дружно засмеется от такого нелепого предположения.

Действительно, какое отношение русский журналист Лукаш имеет к историческим событиям американской (да и всемирной истории)? Исчезающе малая букашка на теле цивилизации этот ваш Лукаш.

Пуля калибром почти одиннадцать миллиметров прилетит журналисту Лукашу в голову от бывшего генерал-майора ФСБ, разбросает его мозги по ухоженной улице Бриджтауна, жители ближайших домов сгребут, матерясь, останки да и отправят их в Вашингтон. Там Петрович мельком глянет на тушку бывшего подчиненного, подтвердит, что да, это действительно везучий сукин сын Мишка Лукаш, которому, наконец, не повезло, тело запаяют в цинковый гроб и перешлют в родные пенаты... И никакого учебника истории.

Кто-то, может быть, даже огорчится по поводу безвременной кончины Лукаша. Сам Лукаш даже толком представить себе не может, кто именно огорчится, но все-таки, может, найдется кто-то... Сам Лукаш точно огорчился бы по своему поводу.

Он и сейчас остро себе сопереживал, двигаясь в сопровождении шерифа к месту жительства Колоухина Олега Даниловича, семидесяти двух лет отроду, профессионального шпиона, убийцы по роду деятельности и предателя по зову сердца. Ведь Колоухина наверняка предупредили о появлении чужаков в городке.

Олег Данилович всегда был человеком осторожным, это позволяло ему выжить в самых непростых обстоятельствах: когда сливал американцам информацию за деньги, когда лично ликвидировал двух агентов, которые могли выдать самого Колоухина, когда сбежал на Запад – это не везение было, это талант к выживанию, умение предусмотреть мелочи и не надеяться на случайности.

Колоухин умудрился исчезнуть два года назад, когда его бывшие коллеги из России получили наконец возможность почти без ограничений работать на территории США. Вот был и сплыл господин Колоухин, оставив свою американскую жену в положении соломенной вдовы.

Наверняка, прибыв в Бриджтаун с новыми документами, сразу присмотрел пару-тройку человек, перспективных для вербовки. Не шпионить, нет, а помочь бедному одинокому старику. Как в бессмертном «Острове сокровищ»: посматривай, Джимми, не появится ли в деревне чужак с одной ногой. За малую денежку посматривай, естественно. Или еще за что.

Колоухин... пардон, Джеймс Форд – специалист старой школы, всегда имеет в рукаве пару тузов и с легкостью их применяет. Не будет он сидеть в этом Зачуханске американского рзлива просто так, не таким образом у него мозги устроены.

Значит, для начала, должен был он договориться с кем-то из окружения шерифа... нет, не с шерифом, это было бы слишком грубо и непрофессионально. С шерифом нужно подружиться, с мэром нужно подружиться, с местным священником – подружиться. Со всеми остальными горожанами поддерживать ровные доброжелательные отношения, а завербовать одного-двух, не больше, чтобы кто-нибудь из завербованных не проболтался. И один агент –

наверняка кто-то из помощников шерифа. Чтобы информация шла напрямую из офиса шерифа к Джеймсу Форду.

Сейчас в небольших городках, вроде Бриджтауна, за приезжими следят. Постоянно наблюдают за округой и подъездными путями: с силосной башни или с водонапорной... Или выставляют пару дозорных на холмах возле города. А может, и то и другое на всякий случай. Как только кто-то подъезжает к городу – сигнал шерифу. Оттуда информация попадает к бывшему генералу Службы Внешней контрразведки России. Затем уточнение – куда именно приехали чужие, зачем, сколько их... При необходимости даже фотку можно сбросить Джеймсу Форду, чтобы тот сам, своими глазами прикинул – по его душу приехали или просто так. А прикинув, решил, сразу стрелять или дать возможность чужакам живыми дойти до жилища Джеймса Форда.

Сегодня время подумать у старика Форда было.

Пока Лукаш и шериф вышли из офиса, пока шериф объяснял своим помощникам, что прогуляется с корреспондентом по Бриджтауну, пока выскочивший следом из офиса Джонни убеждал Лукаша, что должен, просто обязан идти вместе с ними, что ему голову снимет его начальство, если что-то пойдет не так... Пока Лукаш посылал Джонни на фиг, но потом все же разрешил присоединиться, пока они втроем медленно шагали посередине улицы, а шериф отвечал на приветствия обитателей города, вышедших к белым аккуратным заборчикам поздороваться, а заодно глянуть на чужаков...

Колоухин вполне мог прикинуть и принять решение. И выстрелить из «ремингтона» с дистанции метров в семьсот – было не самым неправильным решением в его положении. Дослать патрон в патронник, опереть винтовку на подоконник открытого по случаю жары окна, прицелиться... Лукаш и выстрела не услышит, умрет в счастливом неведении. Ба-бах! – и голова разлетается на кусочки. Или пуля аккуратно влетает в грудь и выбрасывает из спины целый фонтан крови-плоти-костей...

Нет, в общем, изображается все прилично и достоверно. Лукаш идет с сумкой, которая выглядит очень журналистской. Рядом с Лукашем – старина Бредли, приятель, десятки раз, наверное, ходивший на охоту вместе с Колоухиным. Еще плетется какой-то парень почти официального вида, даже в пиджаке и с галстуком, несмотря на жару.

Это не похоже на захват. Совсем не похоже. Станет кто-то вот так подставляться под возможный выстрел, если можно было пройти через лес, в обход? Или рывком на машине преодолеть те несчастные полторы мили, что отделяли домик Форда от офиса шерифа?

Нет, запаниковать Колоухин не должен. Насторожиться – да. Но действовать, тем более суесться – никогда. Лукаш в этом был почти уверен. Ключевое слово – почти.

– Может, лучше сразу его арестовать? – вполголоса, словно боясь, что Колоухин его услышит, предложил Джонни. – Нет, в самом деле. Тебе-то что? Возьмешь свое интервью у бабушки в наручниках. Шериф, у вас есть наручники?

Шериф мрачно глянул на Джонни и не ответил.

– Какого черта ты в игры играть собрался? – Джонни толкнул Лукаша локтем. – А если что-то не так? Он вдруг сообразит, что его все равно будут задерживать...

– Кто будет задерживать? – не выдержал Лукаш. – Шериф, вы кого-нибудь собираетесь задерживать?

Шериф еле заметно усмехнулся.

– Нет, вы скажите это вслух нашему сумасшедшему приятелю, – попросил Лукаш.

– На основании чего я его должен арестовывать? – спросил шериф, глядя на дом Колоухина, стоявший на вершине небольшого холма. – Корреспондента я еще могу проводить, раз он просил. Проследить, чтобы глупости какой не получилось... А насчет ареста...

– Пятьдесят тысяч евро, – быстро выдохнул Джонни. – Половина из них – ваша.

Шериф шумно выдохнул, остановился, достал из кармана платок и вытер лоб, сдвинув шляпу на затылок.

– Двадцать пять тысяч, – сказал Джонни. – Русские заплатят.

– Понимаешь, сынок... – медленно проговорил шериф, – твои отношения с этими русскими – это твои личные проблемы. Я отвечаю за безопасность и порядок в Бриджтауне...

– Но ведь за ним все равно приедут русские. На вертолете прилетят.

– И что? – повернувшись лицом к Джонни, спросил шериф. – Что значит – русские прилетят? Это что – их гребаная Россия? Это Соединенные, так их, Штаты долбаной Америки, между прочим.

Джонни пренебрежительно дернул щекой, быстро, но шериф гримасу заметил и нахмурился.

– Даже если в Вашингтоне кто-то считает иначе – здесь, в Бриджтауне, люди все еще помнят, как называется эта земля. И готовы надрать пару задниц тем, кто забыл...

– По русским стрелять будете? – уже откровенно ухмыльнулся Джонни. – По вертолету? Вы знаете, что, согласно Соглашению, миротворцы из Международного контингента могут сотворить в ответ на прямое нападение? Да если они весь ваш городок в блин раскатают, то им ничего не будет! Вы это знаете?

– Знаю.

– И что?

Шериф оглянулся через плечо на домик Форда, потом посмотрел на ярко-голубое, чуть выгоревшее небо, затем перевел взгляд на лицо Джонни.

– Понимаешь, парень, – вздохнул шериф, – меня ведь люди выбрали. Для того чтобы здесь, в городе, был порядок и закон. Даже если федеральные законы сгниют и рассыплются, то наши местные – будут действовать. И по нашим законам, каждый житель Бриджтауна имеет право на защиту.

– С «Кольтом Питон Комбат» против автоматической пушки?

Шериф посмотрел на свой револьвер и кивнул.

– Дурак ты, шериф, – сказал Джонни.

– Дурак, – снова кивнул шериф, – и что из этого?

– Поговорили? – уточнил Лукаш, стоявший в стороне, опершись на заборчик. – Можем дальше идти?

– Если федерал все понял, то можем идти.

– Федерал понял? – спросил Лукаш у Джонни.

– Федерал – понял, – угрюмо ответил Джонни. – Ну почему мне всегда попадаются чистоплюи и законники?..

– Может, это неплохо, что все еще встречаются чистоплюи и законники? – вопросом на вопрос ответил Лукаш. – Может, не все так плохо на этой территории?

– Пошел ты! – отмахнулся Джонни. – На территории, видите ли... В Соединенных Штатах, тогда, будь любезен. В Соединенных Штатах Америки, мать их... А вот когда это место превратится в территорию боевых действий...

– Значит, аборигены будут воевать, – закончил фразу Лукаш. – Так ведь, шериф?

Шериф не ответил, глядя задумчиво себе под ноги.

Ему сейчас не позавидуешь. Он честно отслужил в военной полиции лет двадцать, потом еще лет пятнадцать-двадцать проработал шерифом, всех знал, обо всех все ведал, искренне полагал, что так будет продолжаться всегда, а тут... То, что грабители стали навещать в небольшие города, и полиция штата не собирается реагировать на просьбы и требования – понимаешь, Бредли, ты уж как-то сам разбирайся, у нас горючки для машин нет... и для вертолета... думаешь, у нас тут спокойно? Сам разбирайся, Бредли! – это все ерунда.

Почти совсем ерунда.

Хуже, когда начинают приезжать мальчишки из Вашингтона и рассказывать, что все закончилась Великая Америка, что сейчас главное – не обидеть добрых парней-миротворцев. А потом приедут и сами миротворцы, неплохие, в общем, ребята, если каждый в отдельности. Но группой, в бронезилетах, шлемах, на броневедомогилах да со стволами, окрыленные поставленной задачей и собственной значимостью... Вот это – плохо. Это – по-настоящему плохо! Во всяком случае, так кажется шерифу. Кажется.

Ключевое слово, мать его, кажется.

Может быть еще хуже.

Лукаш в своей жизни видел, как зараза распада и разложения докатывается до каждого дома, до каждой семьи, и вот такие вот аккуратные заборчики превращаются в границы, в полыхающие огнем границы... Да и шериф наверняка такое видел, судя по фоткам в его офисе. Видел, но пока еще не готов признать, что теперь его страна подвергается... как там говорил недавно толстый старый англичанин Джон Смит? Балканизации подвергается?

Вот сейчас в голове шерифа появляется мысль просто послать русского журналиста и сопровождающего его федерала подальше. Чего они, в конце концов, тут потеряли? Русский генерал или не русский генерал, а гражданин Бриджтауна. Если Штаты своих граждан не защищают, то Бриджтаун... Мысль эта пока еще бледная и робкая, начинает набирать вес, краски и скоро превратится в уверенность, в действие скоро превратится. Это против вертолета с автоматической пушкой «Кольт Питон Комбат» шерифа не потянет, а против Лукаша и Джонни...

Лукаш краем глаза заметил, что метрах в двадцати от них по улице маячит помощник шерифа. Будто покурить вышел, а винтовку с оптикой вроде как просто забыл оставить в офисе шерифа, держит под мышкой и медленно, глядя только себе под ноги, бредет по улице. Так, деталь пейзажа.

Дурацкая ситуация. Прогнозируемая, тут Петрович был прав, когда расписывал варианты развития событий, но от того не менее дурацкая.

«На месте примешь решение, – сказал Петрович вчера вечером. – Не маленький, придумай. Ведь если я тебе сейчас рецепт дам, ты ведь там не думать будешь, а вспоминать, подгонять домашние заготовки под изменчивую реальность. И схлопочешь пулю, не дай бог. Сам придумай, Мишенька!»

– Придумывай, Мишенька, – пробормотал Лукаш. – Придумывай!

– А не позвоните ли вы Джеймсу Форду? – спросил Лукаш неожиданно для себя.

– Как позвонить? – на лице шерифа появилось удивление. – Ты же хотел неожиданно прийти?

– Я? – Лукаш надеялся, что его талант выглядеть искренним в любой ситуации все еще работает. – Я такого не говорил и даже в мыслях не имел. Мне нужно интервью взять – и все. Поболтать за жизнь. Может, его и дома нет. Ушел по грибы.

– Не собирался, – покачал головой шериф. – Дома должен быть.

– Ну так вы ему и позвоните, спросите. И про меня, как бы между прочим, скажите, что, мол, журналист... – Лукаш оглянулся на Джонни. – Что русский – необязательно. Два журналиста приехали с жизнью глубинки знакомиться. Ходят по городу, по сторонам глазуют... С мэром уже поболтали...

– Про мэра – не нужно, – сказал шериф. – Мэр неделю назад погиб. На охоте. В воскресенье у нас выборы нового.

– Хорошо... В смысле – про мэра не нужно, – согласился Лукаш. – Значит, ходят журналисты, с местными жителями болтают. Вы позвоните, а я пока тут снимаю вокруг. У вас еще по журналистам не стреляют?

Шериф молча достал из кармана мобильник и отошел в сторону.

– Я тебе удивляюсь, – быстро, вполголоса сказал Джонни. И в полуголосе его было обиды на целый крик. Истерика даже почудилась Лукашу в тоне федерала. – Тут же верняк! Взяли бы твоего генерала, упаковали, не даст шериф наручники – справились бы веревкой. Знаешь, какие классные узлы меня в Аннаполисе учили вязать?

– А думать тебя не учили? – поинтересовался Лукаш. – Прикинуть, чем такое мероприятие может обернуться? Нас свободно могли бы не выпустить из города. Еще кстати, не факт, что выпустят. Да и на фиг мне такие приключения? Интервью – это круто. Это значит, что я в Сети так прозвучу, что мама не горюй! И пятьдесят тысяч евро на троих... или на двоих – это ерунда по сравнению с перспективами. Ты уж мне поверь.

– Да я тебе верю, – печально шмыгнул носом Джонни, – но такая возможность... Пока мы вернемся домой, пока я сообщу... Тут же по мобильнику нельзя, нужно лично, иначе скажут, что не было звонка, что сами нашли... А генерал ваш сбежит. У него наверняка еще есть документы и тайники с деньгами...

Джонни замолчал, задумавшись.

– Он дома, – сказал шериф. – Сказал, что не любит общаться журналистами, но если это нужно городу...

– А это нужно городу? – с восхищением в голосе спросил Лукаш.

Шериф не ответил, повернулся и молча пошел по улице к дому Форда.

– Минутку, шериф! – окликнул его Лукаш, доставая инфоблок. – Посмотрите на меня.

Шериф остановился, подождал, пока Лукаш сделает снимок, даже не попытался улыбнуться. Губы крепко сжаты, глаза прищурены. Запрещать съемки, спасибо, тоже не стал.

– Вот так, – кивнул Лукаш, – спасибо!

Теперь можно замотивированно просмотреть кадр, в который, помимо шерифа, попал еще и дом шпиона. Увеличить. Так и есть – одно окно приоткрыто. Немного, но для винтовочного ствола хватит.

Самой винтовки не видно – опытный человек не станет высовывать ее наружу, опытный стрелок расположится в глубине комнаты и стрелять будет из тени. А бывший генерал – человек именно опытный, бывалый, старой школы. Он мог уже срисовать лица приближающихся, прогнать снимки через Сеть и обнаружить, что один из них – русский журналист Лукаш, постоянно демонстрирующий свою физиономию в репортажах из Вашингтона, а второй – мелкая сошка из администрации, тоже неоднократно мелькавший на официальных и не очень мероприятиях в Зеленой Зоне Вашингтона.

И обнаружив эту информацию, Колоухин призадумается. Обязательно призадумается. Есть шанс, что это не по его душу. Просто случайное совпадение. Шериф ничего такого ему не сказал, Лукаш краем уха слышал телефонный разговор. Значит, если сейчас стрелять – это испортит отношения с шерифом. Наглухо испортит, он не простит такого свинства в своем городе.

Значит, разговор, так или иначе, состоится.

А это – здорово! Просто прекрасно! Братья-журналисты просто обзавидуются, выть будут и скулить. Они сейчас бьются в стену молчания по поводу инцидента с «рапторами», а Лукаш, сволочь везучая, снимает сливки на информационном поле...

К домику они подошли без проблем. Без стрельбы и смертоубийства.

Только Лукаш собрался вслед за шерифом подняться на крыльцо, как дверь открылась, и на пороге появился виновник торжества. Неплохо выглядит, не мог не отметить Лукаш. Высокий, сухощавый, седые волосы аккуратно подстрижены ежиком. Не военным, а таким добропорядочным, стариковским. Лицо загорелое, белые лучики в уголках глаз – часто улыбается Джеймс Форд. Или шуруется. Или целится.

И одет хозяин дома вполне демократично. Джинсы, выгоревшие почти до белизны, легкая клетчатая рубаха, рукава закатаны до локтя и открывают крепкие, перевитые жилами, руки.

– Добрый день! – сказал Форд.

– Вот журналист! – шериф указал большим пальцем правой руки через плечо на Лукаша и отступил в сторону. – И с ним – федерал.

– Михаил Лукаш, Информационный канал России, – представился Лукаш и достал из кармана карточку, но хозяин дома махнул рукой и улыбнулся. Широко так улыбнулся, заразительно. – А это...

Лукаш посмотрел на Джонни.

– Это Джонни. Он...

– Джон Стокер, сэр, администрация Зеленой Зоны... – официальным тоном сообщил Джонни. – Сопровождаю.

– Очень приятно, – снова улыбнулся Форд.

А улыбочка у него того... Когда он первый раз улыбнулся – вышло искренне и достоверно. Но когда он второй, а потом третий раз продемонстрировал одну и ту же улыбку, абсолютно идентичную, словно отлитую в одной той же форме, вот тут и стало понятно, что дедушка напряжен, однообразно выдает свои старые наработки из способов невербального воздействия на собеседника.

Хорошо работает, но именно – работает. «Ладно, – мысленно протянул Лукаш. – Ладно».

– Я готовлю цикл репортажей «Одноэтажная Америка», – сказал он.

Во взгляде Форда что-то изменилось. Всего на долю секунды. Словно тень промелькнула. Бедняга задумался – реагировать на такой плагиат у классиков или не нужно. Успел, удержался, но допустил неуверенность. Откуда американскому дедушке знать о старой книге Ильфа и Петрова «Одноэтажная Америка»? Нет, вероятность, конечно, есть, но...

– И вот мы заехали в ваш город, познакомились с шерифом, – Лукаш еле сдержался, чтобы не оглянуться еще и на помощника шерифа, стоявшего у соседнего дома и о чем-то болтающего через забор с хозяйкой. – Теперь вот гуляем.

– Ну... – в очередной раз Форд продемонстрировал свою искреннюю штампованную улыбку. – Проходите. У меня есть лимонад...

– Я здесь постою, – сказал шериф. – Вот с господином Стокером постою, поболтаю. Есть у меня пара вопросов к федералам.

– Да? – Форд с сомнением посмотрел на официальную физиономию Джонни. – Ладно, тогда вы проходите, господин... э-э...

– Лукаш. Но можно просто – Майкл.

– Майкл, – сказал Форд и открыл дверь. – Проходите.

В доме было чисто. Без особых изысков, но чисто и аккуратно, как бывает в жилищах у одиноких стариков и отставных военных. Мебель он, наверное, купил вместе с домом, была она не новая, но вполне приличная. Добротная.

В общем – типичное жильё провинциального американца. Лукаш остановился на пороге, пытаюсь понять, что в доме не так. Диван посреди комнаты перед телевизором, на окнах – жалюзи. Окна закрыты, дверь в соседнюю комнату – тоже закрыта. Там, наверное, находится «ремингтон». А дробовик вполне может стоять в шкафу возле входной двери. Самое для него место. Подошел к двери, глянул, кто пришел, протянул руку, взял дробовик и – бац! – можно прямо сквозь дверь. А можно немного ее приоткрыть. Вот, на длину цепочки.

Дверь, кстати, крепкая. Не бронированная, но вроде из дуба. Массивная. Пару секунд может продержаться в случае нападения.

– Присаживайтесь, – сказал хозяин дома. – Не знаю, чем я мог привлечь внимание прессы... тем более – русской прессы...

Форд развел руками, словно извиняясь за свою простоту и неинтересность.

– Вот, на диван, пожалуйста.

– Спасибо, – Лукаш опустился на диван.

Мягкая подушка, Лукаш в нее словно провалился. Спинка – тоже мягкая, как и подлокотники. Быстро вскочить не получится – не на что опереться. А хозяин дома скромно присел на краешек массивного стула с высокой спинкой. И еще один плюс в пользу Джеймса Форда. И все так ненавязчиво, вроде бы случайно... И спиной к окну генерал сел вроде бы случайно, ясное дело. Превратился в темный силуэт на фоне светлого прямоугольника – в комнате свет был выключен.

На стенах висели фотографии в простых деревянных рамках. Много, как это принято в Америке. Но... Лукаш пригляделся. Чтобы рассмотреть снимки в полумраке комнаты, пришлось напрячь глаза. Значит, на снимках – хозяин дома, в одиночку, с другими людьми, с шерифом, опять же, на фоне леса, гор, с ружьями и удочками. Похоже, что все эти фотки появились за последние пару лет. А более ранний период жизни Джеймса Форда не освещен вовсе. С другой стороны...

«И какого это черта ты проводишь анализ интерьера, – поинтересовался сам у себя Лукаш. – Кого-то хочешь разоблачить? Так незачем. Все и так понятно. Абсолютно ясно и прозрачно. Мы имеем перед собой бывшего генерала. А генерал видит – туповатого, но пробивного журналиста, который попытается разинуть рот, чтобы проглотить кусок намного больше своей глотки.

Во всяком случае, этот журналист сейчас поставит генерала в ситуацию, когда тому нужно будет быстро принимать решение. Для этого, собственно, и ехал».

Лукаш вздохнул.

– Жарко, – сказал хозяин дома. – Так, может, все-таки налить лимонаду?..

«Выпить яду», – в рифму мысленно проговорил Лукаш. Вспомнил, что читал в досье на генерала о том, как тот ловко убрал человека. Входил в группу, похитившую в Австрии перебежчика. Еще при Советском Союзе. Беднягу нужно было усыпить, чтобы не помешал вывозить его через границу на Родину. Но дома перебежчик мог сдать Колоухина, который к тому моменту уже всю работу на американцев. Вот и получился передоз. «Чисто случайно. И сердце вроде у перебежчика барахлило...» В общем, привезли в Москву остывшую тушку. И выкрутился тогда гад, что показательно.

Так что пить или есть что-нибудь из предложенного Олегом свет Данилычем – себе дороже, сказал вчера Петрович.

... – И руку не подавай ни в коем случае. Не подставляйся, короче, не помогай ему, пусть сам старается, придумывает.

У него наверняка что-то такое имеется, не тот человек, чтобы совсем уж без спецсредств. Если американцы не снабдили – сам приготовит. Но не будет же он все время держать эти средства наготове. Ну, там, иголку в кресле или в диване... Так что, если он тебя соберется срочно отправлять на тот свет, Миша, то будет это или отравка в пойле, или что-то совсем простое – пуля, нож, молоток... резинка от трусов. Дратся он с тобой не станет, если ты его к стене не прижмешь. Но ты же его не будешь к стене прижимать? Тебя ведь не этому учили?..

«Меня многому учили, – подумал тогда Лукаш, – сильно оно пригодилось мне, когда посадили на стул и принялись расстреливать? Пригодилось, как же», – но вслух возражать не стал. Петрович не любил, когда ему возражали во время инструктажа.

– Лимонаду? – повторил генерал.

– Нет, спасибо, – улыбнулся Лукаш, поправляя на коленях свой инфоблок. – Я не люблю пить по жаре. Еще когда на Востоке работал, понял, что чем больше пьешь, тем больше...

– На Востоке? В Штатах?

– Да нет, что вы! – махнул левой рукой Лукаш. – Я сегодня, считайте, первый раз из Вашингтона выбрался. Я тут вообще недавно... Три с половиной месяца, если точно. А на Востоке – в смысле, на Ближнем. И в Средней Азии...

– Понятно, – кивнул генерал.

– Я из больницы в Штаты попал, шеф сказал, что вроде как в долгу у меня... – Лукаш покачал головой, снова взмахнул левой рукой – собеседника нужно приучать к неумеренной жестикуляции. Вон Квалья когда говорит – можно вентилятор выключать. И разве заподозришь такого искренне жестикулирующего человека в какой-нибудь замысленной пакости? Лукаш, пока сам досе на Каналью не посмотрел, до конца так и не поверил, что тот имеет за душой минимум трех покойников. Минимум-минимум, как сказал Петрович.

– Какую-то инфекцию подцепили? – участливо спросил Форд.

– Пулю, – сказал Лукаш. – Две. Вот одна по черепу прошла, а вторая – вот сюда...

Лукаш показал пальцем, куда именно попала вторая.

– Там, по случаю, всех иностранцев начали расстреливать, особенно иноверцев, вот я под раздачу и попал...

– Повезло.

– Что подстрелили?

– Что живым остались... – Форд прищелкнул языком. – Насколько я разбираюсь в анатомии, пальчиком вы указывали в район сердца.

– Могу показать шрам, – охотно предложил Лукаш. – Врач сказал, что, во-первых, пуля чуть отклонилась, а, во-вторых, сердце в момент попадания как раз сжалось... И даже не от страха, просто время пришло. Оно ведь обычно расширяется-сжимается, вот и сжалось... Я отлежался, потом реабилитационный период, потом отпуск, а потом шеф мне и говорит – а не поехать ли тебе, Миша, в Америку? Если честно, ехать должен был будущий зять Главного, но в самый последний момент чего-то у него там с невестой не срослось, то ли она его с кем-то застукала, то ли еще что... В общем, меня использовали еще и как орудие мести.

Говорить-говорить-говорить... Это расслабляет пациента. Говорить и с самым непосредственным видом оглядываться, озирая обстановку. Очень искренне и даже почти наивно. Образ, который для Лукаша разрабатывали, как раз и подразумевал именно такое поведение. Чтобы не перестраиваться каждый раз, а то вдруг окажется, что новый собеседник что-то слышал о Лукаше или даже общался с ним когда-то...

Сколько еще генерал вытерпит этого идиотизма? Пять минут? Достаточно и пяти минут.

Вот журналист, совершенно не скрывая своего интереса, приглядывается к фотографиям на стене над телевизором. Интересно же! И нужно что-то узнать о будущем герое интервью... Об одном из героев, конечно. Журналисту предстоит еще много разговоров в Бриджтауне.

Слова-слова-слова... Это, кажется, из «Гамлета»...

...Да, только сегодня выехал из Вашингтона... с конвоем, с гуманитарным конвоем, а потом уже сами... вроде ничего такого в Вашингтоне не случилось... не изменилось... чеки на дорогах... пресс-конференция по поводу чокнутых пилотов... а потом я спал... честно, спал... отсыпался после вчерашнего... после пьянки... уже даже не могу... от одного запаха выпивки подташнивает... конечно, молодой, гулять да гулять, но ведь и спать тоже хочется... я сегодня, считайте, часов пять поспал... не больше... на обратном пути еще посплю, а потом уже в Вашингтоне, в отеле... Вашингтон-палас... тот еще притон, если честно... двадцать восемь... в марте... да нет, не из Москвы, учился в Москве, на журфаке, а родом из Орехово-Зуево... это рядом с Москвой небольшой город... отец на железной дороге работал, мать – бухгалтер... повезло, конечно... в армии отслужил, было дело... водителем в взводе... тоже повезло, никаких горячих точек... это уже потом, после университета наверстал...

Ну и балбес попался Форду журналист, балбес и балаболка. Такого раскрутить на небольшой незаметный допрос – пара пустяков. Особенно такому специалисту, как Колоухин. Ненавязчиво так, легонько подталкивает, вопросы даже не задает, намекает, обозначает... И, что показательно, о себе – ни слова. Но Мишка Лукаш этого не замечает, смотрит радостно по сторонам, руками машет, как только инфоблок не уронил на пол до сих пор? И болтает-болтает-болтает...

А дверей в комнате, кроме входной, две. И обе закрыты. Одна, та, что слева от дивана, похоже, ведет в коридорчик, а вот другая, та, что справа, в комнату. Как бы не в кабинет. В домике с той стороны три окна по стене. Одно окно здесь, за спиной у хозяина дома, а еще два – в комнате там, за дверью. И тень как-то неудачно скользит в щели под дверью. Даже не скользит, а мелькнула. Приблизилась и замерла. Словно кто-то из глубины помещения подошел к двери и застыл возле стены, прислушиваясь к разговору в соседней комнате.

А еще он может быть не один, сказал как бы между прочим Петрович. С помощниками может быть. С одним, двумя, а то и тремя... Если он предусматривал уход на крайний случай, то мог прикормить несколько аборигенов. Местных или живущих неподалеку... Такие, как он, очень пекутся о своей безопасности. Привычка у них такая...

– А у вас собака? – с радостной улыбкой спросил вдруг Лукаш.

– Нет, а что?

– Ну, показалось, что там, за дверью, что-то стукнуло.

– Сквозняк, наверное... – сказал генерал.

– Сквозняк, конечно, – согласился Лукаш. – Значит, вы тут два года живете?

– Два, – коротко кивнул генерал.

– А переехали откуда, простите?

– Из Сиэтла, – ответил генерал. – Я преподавал в университете.

– Правда? А мне показалось, что вы военный. Или вы служили все-таки?

– Показалось. Мне даже в Канаде пришлось пожить, пока война во Вьетнаме закончилась. Я – пацифист, знаете ли... – генерал счел нужным развести руками, демонстрируя, что ему очень жаль, что не смог оправдать ожиданий русского журналиста. – Я всего лишь преподаватель социологии.

– Социологии? – обрадовался Лукаш. – Это же здорово! Это же мне повезло! А я ломал голову – с кем пообщаться на тему нынешнего положения в Америке. Все эти комиссии, ловля военных преступников, возмещение ущерба Японии по поводу Хиросимы и Нагасаки... Вы, кстати, как к этому относитесь? Должны Штаты выплачивать компенсации?

– Ну... – протянул генерал.

– А эта история с индейскими территориями? Нет, историческую справедливость восстанавливать, конечно, нужно, но всему должен быть предел... Так, глядишь, всю землю Штатов вам придется отдать... – журналиста Лукаша охватили неподдельные азарт и восторг. Он искал интервью, а нашел консультанта. – И то, что вы бросили преподавательскую деятельность и уехали в глушь – это просто так или тенденция? Общеамериканская тенденция? Ведь говорят, что крупные города Америки за небольшим исключением обречены на вымирание... Вот, к примеру, что творится в Нью-Йорке! Нет законов, нет порядка, а есть сплошное насилие на какой угодно почве – от религиозной до этнической. Я сам не бывал в Нью-Йорке, но разговаривал со знающими людьми...

«Чертов диван, – подумал Лукаш со злостью. – Не нужно было на него садиться, нужно было сослаться на то, что несколько часов ехал сидя в машине. Но тогда и разговор бы пошел по-другому... А так...

А так, между прочим, он все равно идет как-то не так. Что-то в разговоре неправильное... неестественное. И ладно, если бы неестественность эта объяснялась тем, что генерал играет

роль профессора и сбился с текста. Но ведь и для генерала, прикидывающегося профессором, Колоухин как-то странно себя ведет».

Он быстренько прокачал собеседника, провел блиц-опрос, получил информацию и должен был прийти к каким-то выводам. Поверил? Значит, должен был включить профессора. Начать рассуждать по поводу нынешнего положения Америки, всячески демонстрируя вживание в образ. Профессору социологии дай только тему для рассуждений. А Форд не спешит. Не поверил? Насторожился? Тем более должен был активно работать, вводя в заблуждение и все такое...

Вообще он не должен был соглашаться на интервью. Как можно соглашаться на интервью, если журналист может сфоткать его своим инфоблоком или еще каким гаджетом, потом поместить снимок в Сеть. Нельзя попадать генералу в Сеть, генерала ищут, на фотку отреагируют мгновенно, пришлют ребят... Значит, не боится Олег Данилович разглашения своего псевдонима и разоблачения своего инкогнито. Или, что вероятнее, уверен – никуда фотка не попадет. А это возможно только при одном условии – журналист никуда из города не денется. Но это, опять-таки, снова срыв всех покровов с личности Джеймса Форда перед шерифом. И журналиста наверняка хватятся в Вашингтоне, он ведь маршрут свой зарегистрировал, если не у американцев, то в штабе миротворческого корпуса. В русском посольстве, в конце концов.

Гораздо проще и безопаснее было бы просто не встречаться с журналистом. Уклониться. Сказать шерифу, что не хочется никого видеть. И все. А так...

Какая неприятная ситуация для генерала Колоухина! Зачем генерал решил встретиться с журналистом? Или выбора у генерала не было? Хреново, наверное, сейчас на душе у Олега Даниловича, мысли разные в голову лезут неприятные. Но ведь держится старая сволочь, вежливо кивает и даже, кажется, улыбается в нужных местах.

«Раскачивать его нужно энергично, – напутствовал Петрович. – Если дашь послабление – придется потом разгребать дерьмо. Ты же не хочешь разгребать дерьмо, Миша?»

«Не хочу», – подумал Лукаш.

– У вас, простите, кофе нет? – спросил Лукаш, неожиданно прервав свой рассказ о последнем посещении Пентагона. История была дежурная, но забавная. Когда Лукаш ее рассказывал вновь прибывшим в Зеленую Зону, те откровенно ржали. Американцы, услышав ее, старательно переводили разговор на другую тему.

Возле самого Вашингтона, через реку, но на территории уже штата Вирджиния, неподалеку от Пентагона, имел место быть мемориал морской пехоты США. Большинство иностранцев отчего-то были искренне уверены, что знаменитый памятник морпехам, тот, что с наклонным древком и настоящим знаменем, находится на Арлингтонском кладбище. А он, формально, даже не в столице Штатов. И почти год назад кто-то из миротворцев по пьяному делу решил, что флаг его родины будет смотреться на этом памятнике органичнее, чем этот звездно-полосатый матрац. И флаг был радостно поднят. Поначалу чуть не возник скандал, местные ветераны чего-то там возмущенно писали и кричали, но кто будет обращать внимание на такие мелочи, как истерику престарелых пиндосов?

А для ребят, приехавших в Штаты со всего мира, – развлечение. Очень бодрит и мобилизует. За год борьба за право поднять свой флаг превратилась в традицию, обросла всяческими правилами. Дольше двух недель подряд один флаг не может реять над символом победы и американского мужества, каждые две недели происходили схватки между соискателями – по десять человек от страны, без оружия и смертоубийства, попарно. Четвертьфинал, полуфинал, финал, со ставками, букмекерами и поддержкой болельщиков. Сейчас там висит белый флаг с красным кругом посередине, японцы в прошлое воскресенье победили немцев и теперь ужасно горды собой...

Лукаш начал живописать финальную драку немцев с японцами в баре, потом вдруг попросил кофе, без паузы.

– Кофе? – переспросил застигнутый врасплох генерал. Он явно думал о чем-то о своем, расслабился, пока гость нес всякую необязательную чушь. – Кофе... Да, конечно...

Ну ведь понятно, что, если отказать журналисту в кофе, тот попросит чаю, а если и по поводу чая послать, то согласится, наконец, на обещанный лимонад. Это значит, что генералу так или иначе придется оставить гостя одного в комнате. И это значит, что тот может совершить какую-нибудь глупость, если и в самом деле тупой журналист, или гадость, если тупым журналистом только прикидывается.

Лукаш бы гостя в одиночестве не оставил в такой ситуации. Но то – Лукаш. Выбор за генералом.

И куда, интересно, подевался Джонни? Не может же он столько времени отвечать на вопросы шерифа. Посмотреть поближе на пятьдесят тысяч евро – это для Джонни соблазн. Не удерживает же его шериф под прицелом своего «питона» на крыльце?

– Значит, кофе... – пробормотал генерал уже совсем дежурным и скучным тоном.

Он принял решение и теперь начинает действовать.

Генерал встал со стула. Лукаш улыбнулся чуть виновато.

– Сэм! – позвал генерал, не отводя взгляда от лица Лукаша.

Открылась правая дверь, и в комнату быстро вошел коренастый парень лет тридцати пяти. Ничего особенного, обычный сельский парень. В опущенной руке он держал пистолет, «кольт» тысяча девятьсот одиннадцатого года, калибром одиннадцать целых сорок три сотых миллиметра. Пушка старая, но очень надежная. Еще из нее иногда стреляют полуоболочечными пулями. Такая входит как приличная, пробивает дырку своего калибра, а уже внутри свинец расплющивается, пуля превращается в этакий грибок и вырывает из спины мишени кусочек побольше... Куда побольше...

– Сэм, ты позвонил шерифу? – спросил генерал.

– Позвонил, – медленно, словно через силу, произнес Сэм. – Сказал... что у Илая... проблема в доме... снова брат напился, нож схватил... шериф сказал, что сейчас придет...

– Хорошо, – кивнул генерал. – Тогда позови парня, который стоит на крыльце. В костюме.

Сэм глянул в окно, кивнул и приоткрыл дверь.

– Сэр, вас просят зайти, – сказал Сэм и отступил в сторону.

– Извините... – начал Джонни, переступая порог.

За что именно он хотел извиниться, Джонни так и не сказал. Не успел. Сэм врезал Джонни рукоятку пистолета куда-то за ухо, Джонни упал.

«Наверное, лицо разбил», – подумал Лукаш, отворачиваясь.

Глава 4

Сэм втащил Джонни в комнату, прикрыл дверь.

– На кухню его, наручники и кляп, – сказал генерал. – Потом вернись к окну и посмотри, чтобы никто к дому не сунулся...

– А если сунутся? – спросил Сэм, подумав.

– Сообщишь мне, я тебе скажу, что делать.

Генерал повернул стул и сел на него верхом. Опер подбородок о руки, сложенные на спинке стула. Молча рассматривал Лукаша, пока Сэм оттаскивал федерала на кухню, пока возился там с ним, защелкивая браслеты и придумывая, чем заткнуть рот.

– Такие дела, – сказал генерал, когда Сэм наконец прошел через комнату на свой пост. – Не очень хорошо получилось, но и времена такие нехорошие...

Лукаш был испуган. Губы сжаты, пальцы стиснуты в кулаки, чтобы не дрожали. Журналист весь скрючился, словно ожидая удара. Он не понимает, что происходит сейчас с ним. Почему вдруг появился какой-то Сэм, вырубил федерала... Журналист ведь только попросил чашечку кофе! Всего лишь чашечку...

– Ну? – сказал Джеймс Форд.

– Что – ну? – Лукаш сглотнул. – В каком смысле?

Голос слабый, дрожит, гуляет по высоте и тембру. Того и гляди – сорвется журналист в истерику. А вдруг профессор социологии оказался патриотом и обиделся на корреспондента за всех солдат миротворческого корпуса сразу? Может, у него какие-то личные воспоминания связаны с тем памятником? Вот сейчас подойдет к журналисту и ударит прямо в лицо...

Во взгляде Лукаша явственно читался ужас.

Генерал закрыл на несколько секунд глаза, пошевелил губами. Лукашу показалось, что генерал ругался, причем ругался по-русски.

– Что ты должен был мне сказать? – спросил генерал.

– Я? Простите, я что-то не так сделал? Я хотел... интервью... просто... Я вас как-то обидел? – Лукаш облизал губы. – Вы, наверное, недолюбливаете федералов?.. Это ваше право... ваше право... Мне, конечно, будет жаль Джонни, но это ваши внутренние дела... Я журналист. Лукаш Михаил... Майкл...

Лукаш вздохнул со всхлипом.

– Я тебе задал вопрос, – по-русски сказал Колоухин, делая большие паузы между словами. – Что ты должен был мне сообщить?

Лукаш снова вздохнул.

Генерал встал, прошелся по комнате. Лукаш честно проводил его взглядом.

– Послушай, Миша... – генерал чуть наклонился, чтобы заглянуть Лукашу в лицо. – Все это очень весело, занятно и даже смешно...

– Да, – кивнул Лукаш.

Колоухин скрипнул зубами – получилось громко и отчетливо. «Так можно и протезы сломать», – подумал Лукаш.

– Ты приехал в Бриджтаун для того, чтобы...

– Цикл статей и материалов в Сеть, – быстро сказал Лукаш. – Одноэтажная...

– А если я сейчас попрошу Сэма сделать тебе больно? – спросил Колоухин. – Очень больно. Он не блещет интеллектом, но что умеет – то умеет. А еще любит он делать людям больно.

– Не надо, – попросил Лукаш.

– Значит, отвечай. Ты ведь ко мне приехал? Не в этот зачуханный городишко, а ко мне. Ты ведь меня знаешь? Знаешь, кто я?

«Переигрывать не стоит, – подумал Лукаш. – Журналист уже напуган достаточно. Журналист уже должен понять, что хорошая идея оказалась не очень хорошей. С чего это журналисту и дальше дураком прикидываться? Нет смысла. Любой, даже самый тупой журналист теперь будет говорить правду. Правду, правду и ничего, кроме правды...»

– Я к вам ехал, Олег Данилович, – с явным напряжением произнес журналист Лукаш. – Я...

– Значит, ко мне... – генерал снова оседлал стул. – Что ты должен был мне передать? Сколько человек с тобой приехало?

– Джонни, – Лукаш дрожащим пальцем указал на ту дверь, за которую Сэм утащил федерала.

Нет, палец не вибрировал очень уж заметно, так, подрагивал мелко, но явственно.

– Я с Джонни... Джоном Стокером приехал. Он приставлен ко мне администрацией Зеленой Зоны...

И смотреть в глаза генерала. Преданно смотреть, не отрываясь. В конце концов, Лукаш ведь должен был перед поездкой выяснить, насколько опасный человек этот сбежавший генерал.

– Я просто хотел взять у вас интервью, Олег Данилович. Правда. Вы... Вы такой человек... Когда я узнал, что вы... что вас можно найти здесь, то... это... вас же столько лет пытались отыскать, а тут такая возможность... Вы же в колоде есть, вот... – Лукаш резко потянулся рукой к карману, потом, спохватившись, замер, пошевелил пальцами в воздухе и медленно-медленно достал карту из кармана. – Вот, посмотрите... Вот...

Лукаш бросил карту Колоухину, карта не долетела, упала на пол, генерал наклонился за ней, не сводя взгляда с журналиста.

– Вот видите! – Лукаш позволил себе улыбнуться. – Вот вы на карте, семерка пик... извините... С другой стороны – не шестерка же, правда?

Колоухин молча рассматривал свое изображение на карте. И снова скрипел зубами.

– Вообще-то когда гадают, – сказал Лукаш, – то пиковая семерка – это неожиданность, обман... или еще спор, тревога, беспокойство... вот. А когда с этой семеркой выпадает валет, то получается предательство друга... извините...

Петрович все-таки гений. Почти. Когда придумывали эти карты, кто-то предлагал поместить генерала на шестерку, но Петрович сказал, чтобы на семерке. Чтобы, как в старом анекдоте про всемирный конкурс лохов – второе место, потому что лох. И Петрович не ошибся, Лукашу у Петровича еще учиться и учиться.

Петрович, правда, сейчас в Зеленой Зоне, в прохладном офисе корпункта, а Лукаш совсем рядом с генералом Колоухиным. И настроение генерала, и без того не очень хорошее, становилось все хуже и хуже. С одной стороны – это увеличивало вероятность его ошибок, с другой – могло отразиться на самочувствии Лукаша.

Ладно, в конце концов, за это Лукашу платят.

– Кто тебе сказал, где меня искать? – безжизненным голосом спросил Колоухин.

– Мой шеф... глава корпункта, – ответил Лукаш. – У него связи... Сказал, что по пьяному делу ему один чудак... чуть ли не из госбезопасности... проболтался. Петрович поначалу хотел просто сдать... пятьдесят тысяч евро на дороге не валяются, но потом решил, что интервью будет интереснее... Рейтинги и все такое, вы понимаете, наверное...

– Понимаю... – процедил генерал. – То есть ты приехал только для того, чтобы взять у меня интервью?

– Так я вам об этом и толкую! – обрадовался Лукаш. – Вы ответите на мои вопросы, я уеду, а вы... вы можете отсюда скрыться. Разве плохо? Вас бы все равно здесь нашли. Разве лучше было бы, чтоб сразу за вами нагрянули...

– Пятьдесят тысяч... – пробормотал генерал. – Значит, пятьдесят...

– Если честно... – Лукаш замялся. – Ну...

– Что? – спросил Колоухин.

– Не пятьдесят... Если бы пятьдесят, то я, может... деньги, понимаете ли, они... Я не удержался и позвонил к нашим миротворцам... а они сказали, что информация устарела...

Пауза. Теперь важно сделать паузу, чтобы хозяин дома мог как-то отреагировать. Если человек закрылся угрюмым молчанием, то эмоционально раскачать его – трудно, очень трудно, а вот если втянулся в диалог... Вот тут все и начнется. Паузу можно тянуть вполне мотивированно – журналист ляпнул что-то, не подумавши, спохватился, испугался и замолчал. И молчит-молчит-молчит...

– Что значит – информация устарела? – не выдержал наконец генерал. – Меня уценили?

Перед «уценили» голосок у него дрогнул. Еле заметно, но Лукаш эмоцию уловил. Ждал, потому и зацепил. Теперь – тянуть. Легонько, не дергая.

– Нет, не уценили... – Лукаш улыбнулся виновато и пожал плечами. – Вообще... ну, то есть... не нужно вовсе... Не до того.

– Как?..

– Вот и я не поверил, подумал, что они врут, чтобы не платить. Перезвонил в посольство, объяснил, а мне – не нужно. На кой, извините, ляд, нам это старье... извините... Сам... э-э... подойдет... Так и сказали – подойдет.

Генерал провел рукой по своим волосам. Вздыхнул глубоко. Выдохнул. Снова вздохнул.

Неприятно это, наверное, вдруг узнать, что тебя списали. Превратили в кучу дерьма, негодного даже на переработку. У генерала было в этой жизни две страсти: он очень хотел жить и безумно любил себя. Деньги ему тоже нравились, но чувство собственной значимости было все-таки на первом месте. И по нему сейчас генерал-майор огреб от всей души. Без сострадания и жалости.

Он столько лет прятался, два года провел в этой глуши, строил планы, разрабатывал варианты, а оказалось, что ничего этого не требовалось. Его даже убить не хотят. Он боялся, что его постараются похитить, вывезти, допрашивать, чтобы выдать из него очень важную информацию... А оказалось, что...

Обидно, наверное.

И что ему теперь делать?

Что-то ведь делать нужно?

Имеется журналист, который сидит на диване и тычет пальцами в больные места души продажного генерала. Убить его? Значит, поспорить с местными. Спровоцировать своих бывших земляков на ответные действия. Да и федералы начнут суетиться, чтобы не обидеть международное сообщество. Отпустить? А если журналист врет? Если он все это придумал для того, чтобы улизнуть?

Или он вообще не журналист, а парень из Конторы, который прибыл, чтобы убедиться – Колоухин на месте и его можно брать? Столько вариантов, и все нужно обдумать и просчитать.

– Сэм! – крикнул генерал.

– Да! – Сэм мгновенно вырос на пороге распахнувшейся двери с пистолетом в руке.

– Ты связывался с Вилли?

– Минут пять назад.

– И что?

– Он доехал почти до шоссе – пусто. На шоссе видел военные машины, но они проехали мимо. Я ему сказал, чтобы там покараулил. Нормально?

– Нормально, – кивнул генерал.

– А еще шериф звонил, спрашивал, какого дьявола я его к Илаю гонял...

– И что ты ответил?

– Ничего. А что я ему мог ответить? Он как раз сюда идет.

Колоухин быстро подошел к окну, отодвинул планку жалюзи и выглянул наружу.

– Твою мать... – простонал генерал и достал из кармана телефон. – Мать твою... Алло, Бредли?.. Ты бы лучше не шел ко мне... Что слышал. Я серьезно, без шуток. Я... Сэм.

Генерал оглянулся на Сэма.

– Одну пулю под ноги шерифу. Одну!

Сэм вышел. Через несколько секунд в соседней комнате грохнул выстрел.

– Ты понял, Бредли? – спросил генерал, глядя в окно. – Я не хочу никого убивать, ни горожан, ни тех, кто у меня в доме... Да, заложники, если хочешь. Да мне плевать на то, что ты думаешь! Плевать! Это, между прочим, ты ко мне их привел. Они же тебе сказали зачем? Скажи ведь? И что? Ты, старый приятель, меня сдал. Не позвонил, не предупредил... Вот и пошел ты!.. Хочешь попробовать, выстрелю ли я в приятеля? Уж ты поверь. Просто поверь. Я не хочу никого убивать. Мне нужно время, чтобы подумать и принять решение. Тебе – сообщу первому.

Генерал сунул телефон в карман, потер лоб.

– Шериф обидится, – сказал Сэм. – Точно говорю – обидится. Старик не понравится, что с ним так разговаривают.

– А мне насрать! – отрезал генерал. – Ты звони парням, пусть подтягиваются сюда. В город пусть не лезут нахрапом... пусть сюда, к дому через лес двигаются. Ясно? И следи за округой, чтобы Бредли...

– Понял... – подумав секунду-другую, ответил Сэм. – Только шериф... он все равно обидится... а если он обидится...

– Вон отсюда! – заорал Колоухин. – Пошел в комнату и следи за тем, что твой шериф будет делать. Камеры все работают?

– Работают... – Сэм задумчиво посмотрел на пистолет в своей руке и кивнул. – Работают все четыре...

– Вот и следи за ними... – генерал несколько раз вздохнул, восстанавливая хотя бы видимость спокойствия.

Лукаш ждал с самым невинным видом.

Значит, группа прикрытия у генерала все-таки есть. И скоро парни будут тут, возле дома. Ну сколько им понадобится времени? Минут десять-пятнадцать? Чуть больше? Слишком близко к городу они не стали бы дожидаться указаний генерала, чтобы не вызвать подозрения. А вот интересно, Колоухин объявил тревогу после того, как чужие приехали в Бриджтаун, или уже с утра готовился отбыть из этих мест?

Чемоданов не видно в комнате, но выглядит Колоухин как-то по-походному, что ли. Лукаш сразу заметил, но внимания не обратил. Ботинки. Точно, ботинки, не совсем стариковская обувь. По дому удобнее ходить в мягких туфлях, а генерал встретил гостей в ботинках.

И все-таки он ждал посланца. Вот поэтому и впустил Лукаша в дом. Решил, что это важные персоны прислали к генералу Колоухину посланца для переговоров. Ведь такие люди, как Олег Данилович, не валяются на улице, с ними всегда нужно вступать в переговоры... А тут – никто ничего не передавал. Просто журналист хочет воспользоваться лежальным информационным поводом. Лежальным, заплесневелым, вонючим...

«Не нужно себя накручивать, – сказал себе Лукаш строго. – Работай, следи, просчитывай. Времени у тебя не так, чтобы очень много. Если не успеешь до появления ребят из лесу, то можешь вообще не выжить. Именно – не выжить».

– Значит... – генерал щелкнул пальцами. – Значит, сам подохнет...

– Это в посольстве мне так сказали. По телефону. Володя Пузий, из пресс-службы... Молодой, резкий, как прошлогоднее сидро, а, казалось бы, вегетарианец, с чего бы... – Лукаш позволил себе улыбнуться. – А на сайте Контингента, в списке разыскиваемых, вас тоже почему-то нет... Наверное, после моего звонка убрали, спохватились...

Колоухин поморщился, словно от зубной боли.

– Так вы мне дадите интервью? – спросил наивный Лукаш.

Генерал снова что-то беззвучно прошептал, закрыв глаза. Потом достал пистолет. Ловко он его выхватил, только-только правая рука была пустой, и вдруг – резкое движение, и пистолет в ладони. А ствол направлен в живот Лукашу. Не в лицо, в лицо пистолет направлять – пустые понты, как говаривал инструктор Лукаша в давние времена. Целиться нужно в район от паха до груди. Это место сложнее всего убрать с линии выстрела. Пригнуться можно, подпрыгнуть, а вот пузо убрать в сторону – это мало кому удастся.

– Зачем? – спросил журналист слабым голосом. – Не нужно...

– Я хочу знать на самом деле, зачем ты сюда приехал... – ровно проговорил генерал. – Есть вероятность, что ты действительно приехал за интервью...

– За интервью, – с готовностью выдохнул, почти выкрикнул Лукаш. – Именно за...

– Рот закрой! – приказал Колоухин. – Не торопи пулю.

Пистолет был неподвижен, рука старого убийцы не дрожала. Палец лежал на спуске. Не на предохранительной скобе, чтобы не дай бог не выстрелить, а именно на спусковом крючке. Первой фалангой указательного пальца, как рекомендует наставление. Это дилетанты жмут второй фалангой, уводя в момент нажатия пистолет в сторону, а профессионалы...

Лукаш кивнул.

– Хорошо, – одобрил генерал. – Значит, если хочешь жить – отвечай. Кто тебя послал?

Лукаш вздохнул со всхлипом.

– Я уже... я уже говорил...

– Попробуй еще раз, – предложил Колоухин. – Я не знаю, что тебе там обещали твои начальники, но ты можешь умереть. Вначале очень помучиться, а потом – умереть. Они тебе говорили, что я читал одно время спецкурс по активному дознанию?

Лукаш помотал головой. Начальство не говорило, начальство показало запись одного из тренировочных допросов. Кому-то из курсантов-добровольцев предложили продержаться пятнадцать минут против генерала. Курсант знал, что ничего ему не угрожает, что ни членовредительством, ни тем более смертью допрос закончиться не может, поэтому даже улыбался первые тридцать секунд контакта. Потом улыбаться перестал.

Раньше Лукаш даже представить себе не мог, что человек способен на такой крик. И не верил, что взрослый человек, специально отобранный, не с улицы, не курсистка какая-нибудь, будет кричать десять минут, не переставая. Крови не было, но через тринадцать минут после начала допроса курсант все рассказал. Его, как тогда утверждал Петрович, даже не наказали, и на послужном списке это не отразилось. Хотя, конечно, Петрович много чего утверждал.

– Поверь, Миша, – ласково улыбнулся Колоухин, и Лукаш почувствовал, как холодок пополз по его позвоночнику от поясницы к голове. – Лучше тебе говорить самому...

– Я... – Лукаш кашлянул.

– Ты, – кивнул генерал. – Ты ведь не полный дебил, правда?

– Не полный, – согласился Лукаш.

– Предположим, ты и вправду собрался брать у меня интервью. Предположим. Но ведь после того, как это произошло в Нью-Йорке, а потом грянуло по всей стране...

– Что, простите, грянуло? – спросил Лукаш.

На его месте этот вопрос задал бы любой. Пистолет пистолетом, но что грянуло?

– Ты хочешь сказать, что не знаешь о выступлениях американцев? – удивленно приподнял брови Колоухин. – О том, как пикетчики вломились на территорию базы Ленгли не знаешь? О том, что по ним открыли огонь на поражение? И что объявлено военное положение в Вашингтоне и ближайших штатах?

– Нет, конечно... – Лукаш был растерян почти искренне. – Я выехал... мы выехали с Джонни в девять, в девять тридцать присоединились к конвою... Я спал. Запретил Джонни слушать радио, чтобы меня не будить, и спал... А что, все так серьезно?

Генерал дернулся к телевизору. Хотел включить, чтобы показать Лукашу, но в последний момент удержался.

– Черт, – искренне расстроился Лукаш. – А я не знал...

А Петрович, сволочь родная, знал. Наверняка знал, что начнется после выходки «рапторов». И даже намекнул Лукашу. Сказать, наверное, не мог, но намекнул. Да и о том, что именно сегодня Свободу расстреляют, похоже, знал заранее. А то ведь такое совпадение...

Значит, для генерала все выглядело чуть иначе, чем планировал Лукаш. Грянуло в Штатах, и кто-то в этот же день приезжает к Олегу Даниловичу Колоухину. Совпадение? Нет, конечно, не поверит Колоухин в такое совпадение. Только-только собрался выслушать предложение, а тут – бац, и девальвация собственной значимости. Считал себя тузом, а оказалось – семерка. А потому что лох!

– Значит, я тебе предлагаю договор, – сказал Колоухин. – Ты мне рассказываешь, кто ты и откуда, а я тебе гарантирую быструю смерть. Жизнь обещать не стану, не люблю врать по мелочам, а быструю и, главное, безболезненную смерть – обеспечу.

«Так, генерал пытается взять себя в руки. Пока только пытается. Разговаривает с журналистом, будто уверен, что тот работает на Контору. Предлагает разговор двух профессионалов. Ладно», – подумал Лукаш и повторил это вслух:

– Ладно.

– Что ладно? – спросил генерал.

– Не хотите давать интервью – не нужно. Обойдусь, – Лукаш осторожно поставил инфоблок на диван подальше от себя. – Не очень и хотелось. Я могу встать?

Лукаш оперся ладонями о колени и начал подниматься. Быстро, но не слишком – тягучим плавным усилием.

– Сидеть! – приказал генерал. – Я сказал – сидеть!

– Да ну вас, в самом деле, – буркнул Лукаш, как человек, который отказывается верить, что в него могут выстрелить. Так бывает с непрофессионалами, им кажется, что выстрелить в человека сложно, что оружие на него направили только для того, чтобы испугать, заставить говорить или отдать ценности. Человек опытный знает, что пистолет вынимают для стрельбы. Но ведь журналист толком жизни не видел. Ну да, ранили его когда-то, если не врет. Он может себе позволить сомнения по поводу своей смерти.

Генерал выстрелил. В инфоблок выстрелил, как и предполагал Лукаш. Так доходчивее должно было получиться. Если бы в диван, то получился бы просто грохот и небольшая дырка в обивке. Стрелять в журналиста? Его ведь еще нужно допросить, между прочим, а пуля в ногу или плече кажется пустяком только в фильмах. Раненый может и вырубиться, в шок попасть, например. А инфоблок, разлетающийся на куски – это очень емкое и доступное послание для самого тупого человека. Даже для журналиста Лукаша.

Лукаш замер, согнувшись. Потом все-таки выпрямился.

Грохот выстрела, щелчок гильзы о стекло фотографии на стене. Резкая вонь сгоревшего пороха.

– Сидеть! – повторил Колоухин.

Распахнулась дверь, и в комнату влетел Сэм с пистолетом наготове.

– Что тут... у вас? – спросил Сэм.

– Ничего, – сказал генерал, не глядя на своего помощника. – Мы просто разговариваем...

– А-а... – протянул Сэм, опуская оружие. – А я думал...

Он не закрыл дверь, успел только повернуться, чтобы уйти на свой наблюдательный пост. То есть он как бы еще не ушел, но уже и не присутствовал. Нет, генерал не расслабился, но

внимание его чуть рассеялось, особенно в тот момент, когда напуганный выстрелом журналист обреченно махнул рукой и стал садиться обратно на диван, так же опершись руками о свои колени. Очень естественное движение. Абсолютно достоверное.

Ноги Лукаша согнулись, Сэм шагнул через порог в другую комнату, Колоухин собрался вести разговор дальше...

Лукаш закричал. Истошно, с надрывом, в крике его звучал не просто страх – ужас, нечеловеческий ужас выплеснулся наружу с этим криком. Лукаш потратил несколько недель, прежде чем освоил этот крик. Тут не нужны были какие-то особые слова или фразы, информация шла к слушающим напрямую, в подсознание, к рефлексам, минуя интеллект, опыт, осторожность...

Ноги резко распрямились, бросая тело Лукаша вперед. Не прямо к генералу, не навстречу пуле, а в сторону, под углом. Колоухин выстрелить успел, пуля ударила в пол, вырвав из половицы щепу. Колоухин успел выстрелить и второй раз, туда, куда должен был упасть Лукаш, но опять только продырявил доску – Лукаш успел оттолкнуться руками и ногами от пола и, перекатившись, ударился всем телом в стул, на котором сидел Колоухин.

Стул вместе с генералом полетел к окну, Сэм обернулся на грохот и выстрелы, но пистолет не поднял – ему только что сказали, что все в порядке, что это идет разговор. Колоухин пистолет не выронил, удержал его в руке, даже свалившись на пол, но Лукаш оружие отобрал одним движением.

Генерал закричал от боли, Сэм наконец попытался прицелиться, но до своего выстрела не дождался. Пуля вошла ему в переносицу, Сэм умер стоя и только потом стал падать.

– Это выпендрез, – сказал инструктор, когда Лукаш несколько раз подряд на занятиях по скоростной стрельбе в ограниченном пространстве стрелял по мишеням именно в район переносицы.

Выпендрез, согласился тогда Лукаш, но ведь работает.

Сэм наконец упал навзничь, гулко ударившись затылком об пол. Генерал дернулся, пытаясь перехватить инициативу, но Лукаш автоматически отбил его удар и провел свой. Четко и аккуратно, как на занятиях. Колоухин задохнулся и захрипел.

Лукаш встал на колени, попытался привести дыхание в порядок. Кажется, он потянул связку под правым коленом и совершенно точно ушиб левый локоть. В кино всякие ниндзя могут вот так кувырнуться минут по двадцать, у нормальных людей, пусть даже подготовленных, больше одного броска не получается. И дай бог успеть отдышаться, пока не началось второе действие и не набегали другие персонажи.

– Ты... – выдохнул с хрипом генерал. – Ты... кто? За... зачем?

– Как вам объяснить... – Лукаш медленно встал на ноги и отошел на два шага от Колоухина, от греха подальше. – Есть такая профессия...

Лукаш сделал паузу, чтобы отдышаться.

– Родину защищать? – с отвращением и презрением к банальности фразы спросил генерал Колоухин.

– С вами, генералами, даже бывшими, вечно так... – сказал Лукаш. – Перебиваете не по делу... Мне мой шеф когда-то эту фразу презентовал. После моего первого задания, когда меня тошнило, пучило, канючило и гагачило, было мерзко и противно. Он налил мне стакан водки и сказал: – Есть, Миша, такая профессия – для Родины убивать. Я подумал и согласился – кому-то ведь нужно этим заниматься. Правда?

– Так ты... – генерал попытался привстать, но тело его пока не очень слушалось. – Ликвидатор?

– Убивец на государственной службе, – сказал Лукаш. – Я ведь не врал, цену на вас отменили, арестовывать и вывозить – лишняя морока. Вам же только пятнадцать лет присудил наш самый гуманный суд.

– Да, – быстро сказал Колоухин. – Пятнадцать лет. Меня нужно арестовать... Доставить...

– Не-а... – покачал головой Лукаш. – Пятнадцать лет для таких как ты – непозволительная роскошь. Скольких ты своими руками убил? Двоих?

– Не доказано! – хрипло выкрикнул генерал. – Не доказано! А по приговору – пятнадцать лет! Пятнадцать лет!

Зазвонил мобильник Колоухина.

– Дай мне его сюда, – приказал Лукаш.

Генерал толкнул телефон по полу.

Лукаш поднял мобильник, не теряя генерала из виду. Это он выглядит вроде как ушибленным и беспомощным. А жажда жизни способна творить такие чудеса...

Звонил шериф, на экране мобильного появилась его фотография и надпись – Томас. Приятели, подумал Лукаш, чего уж там.

– Да, – сказал Лукаш в мобильник.

– Это кто? Ты, русский? – спросил шериф.

– Ну если совсем точно, то мы оба русские, я и ваш Джеймс Форд. Но у телефона – русский журналист Михаил Лукаш.

– Что там за стрельба?

– Не в меня и не в федерала, если вас это беспокоит, – сказал Лукаш, напомнив себе мысленно, чтобы не зарываться и не слишком веселиться, все-таки заложник, которому угрожает преступник, редко позволяет себе очень уж развязный тон. – Джеймс Форд отчего-то пристрелил своего подельника... Какого-какого, откуда я знаю. Ну, он вроде вам звонил по поводу поножовщины... Да, Сэм.

Шериф на той стороне вздохнул.

– Убил генерал парня. Прямо в лоб ему пулю всадил, – Лукаш подмигнул Колоухину. – А теперь держит под прицелом меня. Вы собираетесь что-то предпринять по этому поводу? Полицию вызвать хотя бы?

– Дождешься ты ее сейчас, – зло ответил шериф. – Дай мне к телефону Форда.

– Он не хочет, – выдержав небольшую паузу, сказал Лукаш. – Он не хочет разговаривать. Он будто бы кого-то ждет... Извините я...

Лукаш выключил телефон и подбросил его на ладони.

– Значит, ты продолжаешь меня удерживать в заложниках и зачем-то, урод, пристрелил своего соучастника...

– Я хочу встать, – сказал Колоухин.

– Не нужно. Поза опрокинутой черепахи тебе очень к лицу, папаша. Знаешь, сколько народу с удовольствием посмотрели бы на тебя в такой позе? Ты же, скотина, легенда в Конторе. О тебе рассказывают как об исключительной сволочи. Так самозабвенно предавать – этому научиться невозможно, с этим нужно родиться... – Лукаш покачал головой. – И не пытайся вставать, по сценарию я смогу отвлечь твоё внимание только минут через десять-пятнадцать. Брошусь на тебя, ты выстрелишь, пуля продырявит мне левый бицепс – самое неприятное в сценарии, но тут начальство было неумолимым, нужна достоверная рана. Отчего-то наши решили, что ты должен умереть случайно. Журналист приехал с тобой поговорить, ты испугался, запаниковал, попытался журналиста убить... В общем, то, что ты пристрелил еще и беднягу Сэма – только к лучшему. Так твоё намерение лишить меня жизни будет еще нагляднее и достовернее.

Лукаш присел на край стула.

мое мнение, то он не врет. Он при мне разговаривал со своими людьми. Некий Вилли уехал к шоссе наблюдать за возможным появлением федеральной кавалерии...

– Вилли? Еще и этот сукин сын снюхался с Фордом!

– Обидно, правда? – сказал Лукаш и снова отключил телефон.

Генерал молча смотрел на Лукаша. На висках выступил пот, губы побледнели.

– Ну что, – Лукаш почесал кончик носа. – Пятиминутная готовность...

– Нет, – прошептал генерал. – Ты не можешь понять того, что происходит.

– Могу, – возразил Лукаш. – Но не хочу.

– Тебе сколько лет?

– Я же говорил – двадцать восемь.

– То есть развал Союза ты не помнишь...

– Нет, не помню. Это очень плохо? Это унижает меня в твоих глазах?

– Не нужно ерничать, – сказал Колоухин.

– Я не ерничая. Не ерепенюсь, не кочевряжусь и не придуриваюсь. Хотя мог бы. Это для тебя сейчас наступает важный момент – время подводить итоги и готовиться ко встрече с Творцом. А для меня – рутина. Тебе придется отчитываться по поводу грехов, а мне даже исповедоваться не понадобится, я святое дело совершаю – очищаю землю от всякой мрази.

«Не переиграть, – напомнил себе Лукаш. – Клиент поплыл, но еще может засечь фальшь. Работаем уверенно, но без перегибов. Вопрос стоит уже даже не о жизни клиента. Генерал очень не хочет умирать мелким засранцем. Он очень уважает себя, уверен в своей значимости. Он всю жизнь изображал из себя нечто важное, многозначительное, а умирать приходится вот так позорно, лежа на спине и задрыв лапки».

«Он не сможет удержаться, – сказал Петрович. – Если ты всю партитуру выстроишь правильно – не сможет. Должно у него что-то быть на черный день, не мог он на своих новых хозяев не набрать материалов. Не тот зверь. Только не переиграй, тут недоработать лучше, чем перестараться, имей в виду».

– Ты слышал, что в июле девяносто первого в Киевском военном округе проходили командно-штабные учения? – спросил Колоухин, закрыв глаза. – Слышал?

– Нет, – ответил Лукаш.

– Конечно, не слышал. Об этом мало кто слышал. А из тех, кто слышал, почти никто не выжил... – на лице Колоухина появилась бледная улыбка, будто он вспомнил что-то приятное. – Учения были посвящены действиям советской стороны в случае захвата противником Украины в ходе неядерной войны...

Лукаш молчал, не перебивая. Когда клиент потек, то лучше отойти в сторону и ждать, когда мимо поплывут обломки его самолюбия вперемешку с полезной информацией.

– По условиям учений, войска НАТО с запада и юга вторгаются на территорию Союза и останавливаются на рубеже Днепра. Или даже за Днепром, – генерал открыл глаза, посмотрел на Лукаша, облизнул губы. – Можно воды?

– Продолжаем рассказ, время заканчивается. От жажды умереть не успеешь.

– Ладно. Пусть так... – генерал снова закрыл глаза. – В Белгородской области планировался в этом случае подземный взрыв ядерного заряда. Ударная тектоническая волна должна была пройти вдоль Днепра, сверху вниз, спровоцировав в каскаде Днепровских водохранилищ нечто вроде цунами. Рушатся одна за одной дамбы и плотины, скорость и объем воды нарастает... Киев и другие прибрежные города получают удар, но не это главное. В зону катастрофического затопления попадали предприятия химической промышленности и атомная электростанция, в воду и атмосферу выбрасывались массы отравляющих веществ плюс радиация, и

все это неслось дальше, растекалось в стороны от Днепра... Учения закончились знаешь чем? Не хочешь угадать?

– Не хочу, – сказал Лукаш.

– И не угадаешь... Учения закончились тем, что было признано... и зафиксировано на бумаге, что дальнейший подсчет потерь среди гражданского населения страны невозможен. Они даже представить себе не могли, сколько миллионов людей должно было погибнуть в результате проведения операции «Аккорд»... Да, «Аккорд», такая ирония в названии...

– И что? – спросил Лукаш небрежно.

– Ты полагаешь, что у американских генералов нет своего «Аккорда»? – генерал засмеялся. – Полагаешь, они тоже не имеют плана последнего удара, когда войска противника вступят на территорию Великих Соединенных Штатов? Они терпели, пока был шанс, что все обойдется позором... только позором... Но сейчас, насколько я понимаю, миротворцы занимают базы, берут под контроль ядерный потенциал Америки... Я ведь не дурак, понимаю, что статую расстреливали не просто так! Это очень символический жест... Слишком символический, чтобы быть случайностью. Больше всего это похоже на сигнал. На общий сигнал к началу освободительной борьбы против заокеанских оккупантов... Какая ирония... Согласен?

– Согласен, – честно сказал Лукаш. – И что?

– Я знаю, как найти центр местного «Аккорда». Слышишь, ты, идиот? Я знаю, как и кто нанесет удар по... по всем вам... Я могу спасти миллионы жизней... Только отвези меня в Вашингтон. Отвези меня к твоему шефу...

– Ты сам веришь в то, что я тебя куда-нибудь повезу? – Лукаш встал со стула и подошел к генералу. – Ты полагаешь, что кто-то будет вести с тобой переговоры?

– Но я же могу спасти...

– Ты можешь отомстить своим новым хозяевам, – сказал Лукаш. – Тем, кто тебя продал. Использовал и выбросил, как ненужную тряпку. Каково оно – быть выброшенной грязной тряпкой?

– Замолчи! – попросил Колоухин.

– И от этого что-то изменится? – пожал плечами Лукаш. – Они даже не подумали, что ты можешь заполучить этот их секрет. Для них ты был... и остался ничтожеством, одним из предателей, который ради денег готов на все... даже превратиться...

Лукаш сплюнул. Плевком ударил в половицу почти возле самого лица Колоухина.

Когда в доме Джеймса Форда грохнул выстрел, а за ним, почти без паузы, второй, шериф Бредли вздрогнул и выругался. Он хотел позвонить это проклятому русскому, но тут дверь дома открылась, и на крыльцо вышел Лукаш с поднятыми на всякий случай руками. Левый рукав его рубахи был пропитан кровью, капли звонко падали на доски крыльца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.